

Даниэла Стил Только с тобой

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564080
Только с тобой: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079412-6*

Аннотация

Трое мальчишек и две девочки познакомились в детском саду маленького провинциального городка, поклялись быть друзьями навеки, что бы ни случилось, – и сдержали клятву. Обычно детская дружба длится недолго, но только не эта. Гэбби, Билли, Иззи, Энди и Шон – такие разные, такие непохожие – останутся друг для друга самыми близкими людьми навсегда. И именно дружба станет им опорой, когда детская беззаботная пора закончится и наступит взрослая жизнь с ее взлетами и падениями, радостями и печалью, страстями и страданиями, разочарованиями и отчаянной борьбой за успех и счастье...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Даниэла Стил

Только с тобой

Роман

Глава 1

Процесс поступления в школу Этвуда начинается задолго до занятий, еще зимой. Собрания, собеседования, встречи психологов с детишками доводят родителей до иступления. Конечно, братья и сестры тех, кто уже учится в Этвуде, всегда имеют небольшое преимущество, но в целом у каждого ребенка есть шанс. В Сан-Франциско наберется немного частных школ, похожих на эту по методике обучения. Большая часть школ, заработавших свое честное имя много десятилетий назад, все еще придерживается раздельного обучения для мальчиков и девочек, но в Этвуде дети учатся все вместе, независимо от пола, к тому же детский сад здесь примыкает к школе, чтобы малыши могли безболезненно влиться в процесс обучения. Именно это всегда делало Этвуд для каждого родителя вожделенным учебным заведением, куда следует пристроить своего отпрыска.

Письма, уведомлявшие о поступлении, школа начинала отправлять уже с конца марта. Родители ждали их почти с тем же нетерпением, с каким ждут уведомления из Йельского университета или Гарварда. Наверное, эта суэта была несколько преувеличенной, но ведь за малышей всегда переживают больше, чем за взрослых детей. Поговаривали, что Этвуд и вовсе лучшая школа Сан-Франциско, поскольку здесь уделяли особое внимание каждому ребенку, стараясь найти индивидуальный подход. Пробриться сюда было непросто и очень почетно. Здесь училось около шести с половиной сотен детей, и учителей нанимали только самых лучших. Как правило, выпускники Этвуда легко поступали в высшие учебные заведения и делали успешную карьеру.

Когда же Этвуд в очередной раз открыл двери первых классов, а по сути, детских садов, в Сан-Франциско стояло жаркое бабье лето, столь редкое для этого города. Была среда, и с самого воскресенья термометры показывали около тридцати трех градусов, даже ночью температура не опускалась ниже двадцати семи. Такой зной накрывал город лишь пару раз в год, заставляя жителей изнывать в душных офисах. И всегда вслед за жарой в Сан-Франциско неизбежно приходили пронизывающие ветра и густые туманы, заставляя ежиться от сырости, а температура падала почти на двадцать градусов.

Мэрилин Нортон любила жаркую погоду, но только теперь ощутила в полной мере, каким кошмаром становится девятый месяц беременности в жару. Ей предстояло рожать через пару дней, и это снова был мальчик, причем на этот раз крупнее своего старшего брата. Щиколотки и колени Мэрилин настолько отекали, что она сама себе напоминала слоницу. Засунуть ступни в резиновые шлепки казалось непосильной задачей. На Мэрилин были белые шорты, резинка которых обхватывала снизу невероятных размеров живот, обтянутый футболкой мужа. Ее собственная одежда давно на ней не сходилась, но, к счастью, мучиться оставалось недолго. Хорошо хоть она успела побывать на первой школьной линейке Билли до начала схваток. Конечно, окажись Мэрилин в родовом блоке раньше срока, ее муж Ларри был бы с ней, а малыша Билли вел бы за руку в школу их приятель, живший в соседнем доме, однако все сложилось наилучшим образом.

Как радовался сынишка, впервые ступая на школьный двор! Здание начальной школы недавно отстроили заново, и в первый учебный день перед ним толпились взволнованные родители с детишками.

Билли страшно нервничал, тискал в руках старый футбольный мяч и широко улыбался всем и каждому, словно хвалился недавно выпавшими передними зубами. Рыжие кудри трепал теплый ветерок, и Мэрилин, от которой сын унаследовал цвет волос, поглядывала на него с нежностью. Билли с раннего детства был послушным и не доставлял родителям хлопот. Он всегда старался угодить маме, а от папы перенял интерес к футболу.

– Весь в отца! – с гордостью говорил Ларри Нортон, когда его малыш внимательно смотрел с ним матчи и даже комментировал игру. – Однажды тебя возьмут в национальную сборную!

Ларри играл в футбол, бейсбол и баскетбол, а также частенько бывал на гольф-полях с клиентами. Каждое утро он совершал пробежку и отжимался. Его жена Мэрилин тоже была подтянутой, спортивной и до последних месяцев беременности играла в большой теннис, пока бегать за мячом не стало слишком тяжело.

Мэрилин было тридцать. Она встретила Ларри Нортон сразу после колледжа, восемь лет назад, когда они оба работали в страховой компании. Ларри был старше ее почти на восемь лет, но выглядел шикарно. Мэрилин он заметил сразу и подтрунивал над ней, называя «рыжая-бесстыжая», заставляя бедняжку отчаянно краснеть. За Ларри бегали толпы девиц, но главный приз достался именно «рыжей-бесстыжей», которая в двадцать четыре года превратилась в миссис Нортон. Вскоре она забеременела, и на свет появился душа Билли. Пять лет спустя Мэрилин решила на второго ребенка, и Ларри был вне себя от радости, узнав, что у него снова будет сын. Малышу уже выбрали имя – Брайан, и до его рождения оставалось совсем немного времени.

Учительница возле двери посмотрела на Билли с теплой улыбкой, а малыш отчаянно засмутился и крепче вцепился в ладонь матери. Девушка улыбнулась шире и протянула ему руку. Похоже, эта симпатичная блондинка недавно окончила колледж, и во взгляде читался энтузиазм выпускницы. Бейдж на груди сообщил Мэрилин, что перед ней помощница классного руководителя – мисс Пэм. У Билли на груди также был бейджик с именем. Мэрилин чуть подтолкнула сына вперед, в классную комнату, где уже играли и общались около дюжины детишек. Классный руководитель, примерно одного с Мэрилин возраста, заметила новеньких и предложила Билли оставить рюкзак и мяч, чтобы поиграть с детьми. Согласно бейджу, это была мисс Джун.

Билли замялся, а затем покачал головой. Он переживал, что кто-нибудь украдет его мяч. Мэрилин заверила его, что все будет в порядке, если положить мяч в шкафчик. Она помогла сыну найти среди других шкафчиков, распахнутых настежь, тот, на котором было написано его имя, и Билли запихнул туда рюкзак и мяч. Мисс Джун предложила ему поиграть в конструктор, пока не подойдут остальные одноклассники. Билли нахмурился и посмотрел на маму. Та кивнула на горку строительных блоков.

– Тебе же нравится строить замки, – напомнила Мэрилин. – Я буду рядом. – Она указала на глубокое кресло возле учительского стола.

В кресло она опустилась с явным трудом, живот так и тянул вниз, и не рухнуть в объятия мягкого плюша, даже упершись руками в подлокотники, оказалось непростой задачей. Мэрилин даже не представляла, как будет выбираться из кресла. Наверное, ей потребуются подъемный кран. А пока мисс Джун показала Билли, где лежат запасные блоки для конструктора, и он немедленно занялся возведением крепости. Он был высоким и крепким мальчиком, и Ларри чрезвычайно гордился этим, утверждая, что его сын непременно будет играть в национальной лиге. Он сумел заразить Билли страстью к футболу, сделать свою мечту мечтой сына. Билли был выше и крепче своих сверстников, однако никогда не применял в спорах с детьми физическую силу. Наоборот, он был чутким и добрым, и это удивительное сочетание крепости и мягкости поразило экзаменационную комиссию Этвуда. «Неужели и второй сын будет таким же чудным подарком?» – думала порой Мэрилин с улыбкой.

Меж тем Билли уже забыл о своих волнениях и целиком погрузился в строительство.

Мэрилин, сложив руки на огромном животе, смотрела то на него, то на детишек, заходивших в класс. Она сразу заметила темноволосого мальчишку, ниже Билли, но крепко сбитого, с большими голубыми глазами. За пояс его шортиков был заткнут игрушечный пистолет, а на груди поблескивал значок шерифа. Вообще-то военные игрушки запрещалось приносить в школу, но, видимо, пистолет новичка ускользнул от внимательного взгляда мисс Пэм – уж слишком много малышей сновало по классу. Шона – так звали мальчика – тоже привела мама, миловидная блондинка в джинсах и белой майке. Она была чуть моложе Мэрилин. Как и Билли, поначалу Шон цеплялся за мамину руку, но уже через несколько минут занялся конструктором в углу класса. Мальчики играли рядом, плечо к плечу, однако так увлеклись, что не обращали друг на друга никакого внимания.

Еще минута – и мисс Джун заметила пистолет. Мама Шона следила за тем, как та направилась к играющему малышу. Конни О’Хара знала, что пистолет придется забрать домой. Кевин, ее старший, учился в седьмом классе Этвуда, поэтому политика школы была ей известна. Но Шон так просил разрешения взять пистолет, что Конни сдалась. Когда-то и она преподавала в школе, поэтому искренне верила в нерушимость школьных заповедей... но чего не сделаешь ради любимого ребенка! По сути, она малодушно предоставила обязанность забрать пистолет новой учительнице Шона.

Мисс Джун наклонилась к мальчику.

– Давай отнесем пистолет в шкафчик, Шон. Как и твой значок шерифа.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь украл мое оружие, – нахмурился мальчик.

– Тогда давай отдадим его твоей маме. Уж она-то точно проследит за тем, чтобы пистолет не потерялся. Но поверь: хранить вещи в шкафчике вполне безопасно. – Мисс Джун попыталась забрать пистолет у Шона.

– Но он может мне понадобиться! – упорствовал тот, пытаясь одновременно отодвинуться подальше и водрузить два пластиковых кирпича поверх своей постройки. Он был не слишком высок, поэтому ему пришлось подняться на цыпочки. – А вдруг понадобится арестовать кого-нибудь?

Мисс Джун с серьезным видом покивала:

– Я понимаю тебя. Но вряд ли в этом будет необходимость. Твои одноклассники – хорошие детишки.

– А если в школу ворвется грабитель?

– Мы этого не допустим. Здесь нет плохих парней, так что давай отдадим пистолет твоей маме, – чуть тверже сказала учительница и протянула руку. Шон, прищурившись, посмотрел на нее, словно пытаясь оценить, насколько она серьезна. Сообразив, что с оружием все-таки придется расстаться, он возмущенно засопел носом, но все-таки достал пистолет и отдал учительнице, которая передала его матери. Конни смутилась и торопливо убрала игрушку в сумку, а затем присела рядом с Мэрилин.

– Так и знала, что будут неприятности. Мне известны правила школы – старший сын здесь учится. Но Шон был так упрям... – Конни растерянно взглянула на соседку.

– А Билли притащил мяч. Еле уговорила оставить его в шкафчике. – Мэрилин указала на сына, игравшего рядом с Шоном.

– Ой, какой рыженький! – восхитилась Конни.

Мальчики мирно играли рядом. Они не обменялись еще ни единым словом. Чудесная маленькая девчушка, похожая на ангелочка, подошла к ним, перешагивая через строительные блоки. У нее были светлые прямые волосы, перехваченные двумя резиночками, и голубые, широко распахнутые глаза. На ней было розовое нарядное платьице, которое ей очень шло. Малышка повернулась к Билли и забрала из его руки большой пластиковый кирпич, который ему был нужен для крепостной стены. Билли так опешил, что даже не стал проти-

виться. Между тем девочка забрала пару кирпичиков и у Шона, а затем принялась увлеченно строить домик. На мальчиков она бросила всего лишь один взгляд, в котором читалось предупреждение, так что они замерли в полной растерянности.

– Вот почему мне нравится совместное обучение, – прошептала Конни. – Они получают опыт общения с противоположным полом в реальном мире, а не по книжкам.

Когда девочка забрала еще по кирпичику у обоих, лицо Билли искажилось, словно он вот-вот хотел заплакать, а Шон недовольно поджал губы, словно собирался возмутиться.

– Хорошо, что пистолет у меня в сумке, – снова шепнула Конни. – Он бы попытался ее арестовать. Надеюсь, потасовки не будет.

Они продолжали следить за детьми, в то время как маленький ангелочек (а может, дьяволенок) продолжала строить домик, уже не просто забирая чужие кирпичики, а снимая их с чужой постройки. Подобное вероломство сбивало мальчиков с толку, и они только шмыгали носами и возмущенно смотрели на девочку. На ее бейджике значилось сразу два имени: Габриэла и сокращенное Гэбби.

Еще одна девочка направилась к конструктору, но посмотрела на троицу и решила поиграть с детской посудкой. Она открывала и закрывала дверки маленькой кухни, ставила кастрюльки в холодильник и раковину. У нее был невероятно серьезный вид, словно она готовила ужин на целое семейство. Две темные косички подпрыгивали всякий раз, когда она вздергивала подбородок. На ней были красная футболка, широкие шорты и кроссовки. Она так углубилась в игру, что не заметила, как мать подошла к ней и чмокнула в висок. У нее были такие же темные волосы, как у дочери, только собранные в пучок на затылке. Несмотря на жару, ее темно-синий деловой пиджак был застегнут на все пуговицы, воротничок белой блузы выглядел ровно настолько, насколько позволяли правила, на ногах были колготки и туфли с высокой шпилькой. Возможно, она работала в банке или адвокатской фирме, где ценили внешний вид сотрудников. Ее дочь рассеянно кивнула в ответ на поцелуй. Уход матери ее совершенно не взволновал. Похоже, малышка привыкла быть одна в отличие от Билли и Шона. Судя по бейджу, девочку звали Иззи.

Мальчики, немного растерявшиеся после вероломного вторжения Габриэлы, оставили конструктор и отправились к кухонному набору. Хорошенькая Гэбби показалась им не слишком дружелюбной. Иззи, напротив, сразу улыбнулась, стоило только к ней приблизиться.

– Что ты делаешь? – спросил Билли.

– Готовлю завтрак. – Иззи пожалала плечами, словно это и так было очевидно. – Что вам приготовить? – Она принялась вытаскивать из игрушечного холодильника пластиковые продукты и складывать их в корзинку и на блюда.

В начальной школе Этвуда были отличные игрушки. Разумеется, здесь были также прекрасно оборудованный спортзал, игровая площадка и бассейн. Качественное оснащение школы было одной из причин, по которой родители хотели пристроить сюда детей. Отец Билли, Ларри, восхищался спортзалом Этвуда. А Мэрилин радовалась тому, что школа дает своим выпускникам образование высокого уровня. Нельзя же делать ставку только на спорт. Конечно, в Ларри была сильна коммерческая жилка, поэтому он неплохо зарабатывал, но образование у него было среднее, и Мэрилин хотела для сына большего.

– Настоящий завтрак? – изумился Билли, сделав такие большие глаза, что Иззи засмеялась. Билли, похоже, верил всему, что ему говорили.

– Конечно, нет, глупенький. – Девочка покачала головой, не переставая улыбаться. – Не настоящий, а игрушечный. Так что тебе приготовить? – Она смотрела так внимательно, словно ответ был ей очень важен.

– О... – Билли смутился. – Тогда мне гамбургер. И хот-дог с кетчупом и горчицей. И с картошкой фри. Только никаких огурцов, – попросил он улыбаясь.

– Сейчас сделаю. – Иззи деловито принялась что-то творить на тарелочке. – Ты пока садись.

Билли послушно сел на пластиковый стульчик, а девочка взглянула на Шона. Она словно превратилась в заботливую хозяйку, и эта роль удавалась ей превосходно.

– А ты что будешь?

– Пиццу, – серьезно ответил Шон. – И огро-о-омное мороженое в рожке.

Не прошло и минуты, как Иззи вручила мальчикам их порции игрушечной еды. Все трое были явно довольны игрой. И в этот момент появилось создание в розовом платьице, недавно завладевшее конструктором.

– Твой папа – владелец закуской? – с интересом спросила Гэбби у Иззи.

Маленькая повариха принялась снова греметь посудкой.

– Нет. Он адвокат для бедных. Помогает тем, у кого нет денег. Мама тоже адвокат, но работает в компании. Ей сегодня в суд, так что она уже ушла. Мама очень занята, поэтому готовит у нас папа.

– А мой папа продает машины. Дарит маме каждый год новый «ягуар». А ты хорошо готовишь, как мне кажется, – вежливо сказала Гэбби. Судя по всему, мальчики ее не особо заинтересовали, поскольку сидели тихо и делали вид, что жуют. – А можно мне биг-мак и пончик с посыпкой? – Она ткнула пальчиком в пластмассовый розовый кружок с разноцветными бисеринками.

Иззи положила на серебристый поднос пончик, сэндвич, пару кусочков игрушечной пиццы и поставила его на столик. Гэбби придвинула еще два стульчика – себе и новой знакомой. Теперь дети вчетвером сидели за столом, словно старые приятели, собравшиеся позавтракать.

Гэбби как раз собиралась что-то спросить у Билли, когда к ним подбежал высокий худощавый мальчишка с подстриженными, как у взрослого, светлыми прямыми волосами, одетый в белую рубашку и брюки цвета хаки. Он выглядел как второклассник, настолько был выше остальных.

– Я что же, опоздал? – спросил он, перевея дух.

Иззи рассмеялась:

– Конечно, нет. Что ты будешь?

– Сэндвич с индейкой и яйцом на белом тосте.

Девочка долго рылась в игрушечном холодильнике, прежде чем обнаружила похожую игрушку. Она положила «сэндвич» на тарелку, добавив от себя игрушечный картофель фри.

Мальчик сел рядом с остальными и помахал рукой матери, которая кивнула и снова вернулась к телефонному разговору. Судя по взволнованному лицу, женщина сильно переживала.

– Мама уже уходит, – сообщил новенький. – Она работает акушеркой. У ее пациентки вот-вот будет тройня, какой-то сложный случай. А папа у меня психиатр, он сообщает людям, психи они или нет. – Энди, судя по надписи на бейджике, был хорошо воспитан: он вскочил с места, чтобы отодвинуть для Иззи стульчик, пока она ставила на стол поднос.

Минуты через три мисс Джун и мисс Пэм, сверившись со списком, попросили всех детишек встать кружком. Пятеро малышей, накормленных «завтраком», встали рядышком, словно давно знали друг друга, а Гэбби даже взяла Иззи за руку и улыбнулась.

Детям раздали бубны, в которые надо было стукнуть, когда называют твое имя, и после переключки все стучали изо всех сил, создавая невыносимую какофонию.

Затем все вместе перекусили печеньем с соком и направились в зал.

Мамы, которые остались в классе, тоже получили печенье и сок, отказалась лишь Мэрилин, сообщившая, что умудряется толстеть даже от чашки зеленого чая. Она ужасно

потела и постоянно потирала живот ладонью. Остальные женщины смотрели на нее с сочувствием и пониманием.

Вскоре к Мэрилин и Конни присоединилась мать Гэбби. Мама в классе разбилась на группы почти так же, как чуть раньше их дети.

Мать Гэбби оказалась очень молодой и невероятно красивой. У нее были мелированные волосы и пухлые губы. Ее белую джинсовую юбку можно было смело называть даже не мини, а микро, в вырезе розовой маечки выглядывало кружево белья, а босоножки на высоком каблуке, состоявшие из одних ремешков, красиво подчеркивали изящность загорелых лодыжек. Маму Гэбби звали Джуди, и даже в жару она была при макияже и пахла духами. Впрочем, несмотря на ее откровенно сексуальный наряд, держалась Джуди очень просто и дружелюбно. Она рассказала, что во время последней беременности набрала лишних двадцать кило, при том что Гэбби была ее первой дочкой. Но сколько бы она ни набрала, ей явно не составило труда вернуться к прежнему весу. Джуди еще не было тридцати, с мужем она познакомилась в колледже в южной Калифорнии. Два года назад им пришлось переехать в Сан-Франциско, и Джуди очень скучала по яркому солнцу и жаре.

Разговор снова плавно вернулся к школе. Если найти еще пару попутчиц, можно будет ездить до Этвуда на одной машине, да и за рулем каждой из них придется проводить лишь один день в неделю, заметила Конни. Джуди сообщила, что ее младшей дочери недавно исполнилось три года, так что оставлять малышку дома не получится, поэтому нужна машина побольше, и предложила свой микроавтобус, где могут уместиться все детишки и мамы. Мэрилин добавила, что ей скоро рожать, но через несколько недель после родов она сможет садиться за руль. Конни сказала, что поищет попутчиц, поскольку несколько лет назад именно так возила в школу Кевина. Она пожаловалась на своего старшего сына, который отказался сопровождать маленького Шона на автобусе, потому что это «слишком хлопотно и неудобно».

Выходило, что вариант с совместными поездками устраивал всех троих.

После торжественной части и прогулки на площадке дети вернулись в класс. Мисс Джун принялась читать вслух сказку, а мамам наконец позволили уйти. Шон и Билли изрядно скуксылись, а для Гэбби и Иззи мамин уход ничего не изменил – они внимательно слушали сказку, держась за руки. Еще на площадке они решили стать лучшими подружками, пока мальчишки носились кругами, улюлюкали и вообще вели себя совершенно, на их взгляд, бестолково.

– Вы уже знаете о вечернем собрании? – шепотом спросила Конни своих новых знакомых, когда они вышли из здания. Оказалось, никто ничего не знал. – Собрание проводят для родителей старшей и средней школ. Этим летом один старшеклассник повесился! Говорят, отличный был парень – мой Кевин знал его, несмотря на разницу в возрасте, – входил в состав бейсбольной команды. У него были какие-то проблемы эмоционального характера, но все равно никто не ожидал такого поворота. Родители в шоке, учителя разводят руками – для всех его смерть стала потрясением. На собрании будет присутствовать психолог, который подскажет, как выявить признаки эмоциональной нестабильности у подростков и объяснить им о контрацепции и прочем.

– Уф, хоть о чем-то пока рано беспокоиться с нашими малышами – о контрацепции, – со вздохом сказала Джуди. – Я переживаю, что Мишель все еще писается во сне, а ведь ей уже три с половиной. Вряд ли в этом возрасте она стала бы подумывать о самоубийстве.

– Сейчас – нет, но в восемь или девять такое уже вероятно, – мрачно сказала Конни. – Мой семиклассник Кевин, конечно, очень жизнерадостный мальчик, но порой такой эмоциональный, что может выйти из себя. Шон на него совсем не похож, по крайней мере в этом возрасте. Кевин терпеть не может подчиняться правилам, но он... хороший мальчик. Впрочем, погибший тоже был хорошим мальчиком.

– А что стало причиной такого несчастья? – спросила Мэрилин. – Развод родителей?

– Нет. Там крепкий брак, заботливые родители, мама всегда рядом – домохозяйка. Поэтому никто даже не думал, что однажды... Вроде мальчик ходил к психологу, но, кажется, это было связано с оценками и невнимательностью на занятиях. Он так тяжело переживал любое поражение, плакал, если его команда проигрывала. Возможно, домашние слишком сильно нацеливали его на успех, и он ставил перед собой завышенные планки. Не знаю... Единственный ребенок в семье, причем ребенок любимый.

Все немного помолчали, смущенные мрачной темой в этот праздничный день. Хорошо все же, что вечернее собрание к ним не относилось. И оставалось надеяться, что их никогда не соберут по столь трагичному поводу. Даже на секунду представить, что кто-то из их детишек решится на самоубийство, казалось чудовищным. И без того хватало опасных бассейнов без бортиков, острых шипов ежевики, простуд, лихачей на дороге и драк со сверстниками, чтобы сделать жизнь каждой матери чередой волнений и беспокойств. Самоубийство лежало за той гранью, о незримом присутствии которой даже и подумать было страшно.

Конни пообещала позвонить, как только найдется еще парочка попутчиц с детишками, и мамы разошлись каждая к своей машине.

Они увиделись только ближе к вечеру, когда забирали детей из школы.

Иззи и Гэбби так и держались за руки, словно приросли друг к другу. Гэбби рассказала маме, какой интересный у нее был день. Иззи забрала няню, и девочка сообщила ей то же самое, что и Гэбби своей маме. Билли выскочил с рюкзаком за плечами, бережно прижимая к груди футбольный мяч. Шон, едва забрался в машину, потребовал вернуть ему оружие и значок шерифа. За Энди пришла экономка, поскольку в этот час родители, как обычно, работали.

Все пятеро были в восторге от первого школьного дня. Им понравились учителя и одноклассники. Мэрилин подумала, что мучительный процесс поступления в Этвуд того стоил. Пока она везла сына домой, у нее отошли воды прямо на водительское сиденье.

Ночью родился Брайан.

Глава 2

К началу третьего класса пятерку друзей было водой не разлить. Им как раз исполнилось по восемь. И их все так же матери по очереди возили на занятия в микроавтобусе. Иногда няни Энди и Иззи приезжали за детьми.

Больше всех за рулем бывала Конни, мать Шона, которая частенько приглашала всю компанию в дом, чтобы они могли выпить чаю с печеньем и поиграть. Ее старший сын Кевин, которому исполнилось пятнадцать, был не в восторге от ватаги малышни и часто ворчал по этому поводу. Учился он неплохо, однако постоянно хватал замечания за болтовню на уроке или невыполненное домашнее задание. Родителей Кевин слушался неохотно, а младший брат его раздражал своим визгом, но для Шона Кевин оставался героем и крутым парнем.

Конни всегда любила детей, не только своих, но и чужих. Она постоянно участвовала в детских походах и различных школьных мероприятиях. Как бывший учитель, она умела быть строгой и мягкой одновременно, находить подход к любому ребенку, за что ее обожали друзья не только Шона, но и Кевина. Она умела слушать, с сочувствием воспринимала чужие проблемы, давала дельные советы как подросткам, так и восьмилеткам. У нее всегда были дома чипсы и поп-корн для приятелей старшего сына, а в коробке на кухне лежали презервативы, которые можно было взять без разрешения и лишних вопросов. Майку О'Хара тоже нравилось общаться с детьми, он даже был главой команды бойскаутов, пока Кевин ее не бросил. При всем том Конни и Майк были реалистами и прекрасно знали, что подростковый возраст чреват экспериментами. Они понимали, что позиция «мой мальчик никогда не курил травку и не занимался сексом со сверстницами» просто смешна. Поэтому они старались сохранить с детьми близкие дружеские отношения, при которых можно быть в курсе всех переживаний своих сыновей и вовремя разглядеть опасность. Последнее было просто необходимо в случае с Кевином, который не желал придерживаться правил и постоянно их нарушал.

Шон рос другим. Он прилежно и с удовольствием учился, продолжал дружить с теми же детьми, с которыми познакомился в первом классе. Даже его мечты менялись как-то правильно: от желания стать шерифом – к желанию стать полицейским, затем пожарным, а к восьми годам – снова полицейским. Он любил смотреть передачи про полицию, хотел охранять закон и порядок, а также защищать друзей и близких. Всегда слушался учителей и родителей в отличие от брата, который считал, что правила придуманы для того, чтобы их нарушать. Кевина и Шона растили одни и те же родители, но словно в разных условиях.

За последние три года дела Майка пошли в гору, отпала необходимость все время проводить на работе, и он стал уделять больше внимания детям. В семье хватало денег, и сыновей можно было баловать. Строительный бум в Пасифик-Хайтс принес хорошие дивиденды. Теперь семья могла позволить себе отпуск на озере Тахо, где за пару лет Майк построил чудесный домик. Когда он только начинал работать в строительном бизнесе, Майк лично стучал молотком и заливал фундамент, а Конни делала ему сэндвичи, которые складывала в одноразовые бумажные пакеты. С тех пор многое изменилось: фирма выросла, сделав себе имя в регионе, и Майк и Конни могли почивать на лаврах.

Жизнь Мэрилин Нортон тоже не стояла на месте. Теперь она была матерью двоих мальчишек. Билли исполнилось восемь, Брайану – три. Второй ребенок оказался на редкость спокойным и тихим. Для Ларри характер Брайана стал настоящим разочарованием. Он хотел видеть в сыне волю к победе, упрямство, но, увы, Брайан не любил активных игр, а мяча и вовсе сторонился. Билли уже в три года обожал бегать по площадке, пытаясь сделать перехват. С Брайаном все было иначе. Он мог сидеть и часами рисовать мелками или красками,

в три года уже знал буквы и пытался читать. А еще ему нравилась музыка. К сожалению, Ларри не интересовали подобные достижения сына. Поскольку Брайану не светила спортивная карьера, отец не представлял, о чем с ним говорить. Он едва общался с младшим сыном, что возмущало жену. Порой они ругались по этому поводу, особенно если Ларри выпил.

– Тебе что, трудно пообщаться с ребенком? – с несчастным видом спрашивала Мэрилин. – Это так тяжело, да? – Она повышала голос, и это не нравилось мужу. – Просто спроси его, как прошел день. Это же несложно, и он сам тебе все расскажет. Ведь он тоже твой сын, а не только Билл!

– О нет, он не мой, он твой сын! – злился Ларри. – Он весь в тебя!

Он ненавидел, когда ему тычут в нос отцовским долгом. У них было много общего с Билли, который хотел стать профессиональным футболистом, говорил только о лиге, постоянно тренировался. А что Брайан? Тихий, молчаливый, худенький и малорослый – о каком спорте могла идти речь? То ли дело Билли! Он играл в бейсбол и соккер! Ларри ходил на все матчи, болел, словно играла национальная сборная, и буквально носил сына на руках, если команда выигрывала. Но какой он устраивал разнос в случае проигрыша! Говорил, что у поражения нет причин и объяснений. Когда маленький Брайан слышал возмущенные крики папы, он забивался в дальний угол, напуганный его настроением. Билли никогда не боялся отца, зная, что его ругают за дело, и Ларри гордился характером сына.

Бизнес Ларри тоже был успешен. Однако его успех, казалось, только увеличил стресс, в котором жила семья. Его все чаще не было дома, встречи с клиентами теперь случались и глубоким вечером. Конечно, он стал обслуживать настоящих профессионалов из мира бейсбола, баскетбола и футбола, проводить с ними много времени, ездить на весенние сборы в Скоттсдейл вместе с «Гигантами». Некоторые спортсмены, ставшие его близкими друзьями, приглашали Ларри на площадку для спарринга. В такие дни он забывал о Мэрилин и даже не особо рассказывал ей о своих делах. Она же проводила вечера дома с мальчишками, что доставляло ей немало удовольствия. После рождения Брайана она быстро вернула себе прежнюю форму и выглядела просто шикарно для своих тридцати трех. Впрочем, разве она могла сравниться с юными спортсменками, с которыми виделся Ларри? Они были разного поля ягодами, потому-то Мэрилин и жила собственной жизнью, мало связанной с жизнью мужа. Она возилась с сыновьями, проверяла уроки, посещала собрания и школьные вечера, а в те редкие случаи, когда Ларри ходил с ней, он каждый раз перебирал с выпивкой. Возможно, другие родители не замечали, что он был пьян, но Мэрилин замечала. Ей казалось, что лишний стаканчик виски или бутылка пива просто помогают Ларри пережить скучное мероприятие. Ларри было плевать на оценки детей, если только речь не шла о спортивном табеле. Матчи и состязания он не пропускал никогда. Сидя на трибуне, он частенько окидывал взглядом Джуди Томас, мать Гэбби, и говорил, что она «отличная штучка».

Джуди и Мэрилин поддерживали хорошие отношения, можно сказать, дружили, поэтому Мэрилин пропускала комментарии Ларри мимо ушей. Уж она-то знала, что Джуди без ума от своего мужа Адама и никогда не позволяет себе ничего лишнего. Ей едва исполнилось тридцать, а она уже успела сделать липосакцию, подтяжку живота, увеличила грудь и регулярно проводила курсы мезотерапии с инъекциями ботокса. Подруги фыркали и поговаривали, что Джуди свихнулась на внешности и ей совершенно не требуется вся эта медицинская ерунда. Однако в тридцать Джуди все еще выглядела юной девочкой. Когда Гэбби было четыре с половиной, она отвела ее на конкурс красоты среди детей, и члены жюри единодушно присудили малышке первый приз. Адам, обожавший жену и дочь, очень просил Джуди не портить характер Гэбби признанием ее красоты, и Джуди согласилась. Однако Гэбби росла не только хорошенькой, но и весьма артистичной натурой. Рядом с ней ее младшая сестренка Мишель казалась посредственностью и жила в ее тени. Впрочем, возраст еще мог взять свое.

К третьему классу Гэбби посещала музыкальные курсы по фортепьяно и вокалу и показывала весьма неплохие результаты. Джуди пыталась убедить руководителя школьного драмкружка поставить полную версию «Энни» и утвердить на главную роль ее дочь. Однако учителя решили, что не смогут найти партнеров подходящего уровня для Гэбби, поэтому вопрос так и повис в воздухе.

Гэбби мечтала стать актрисой, и Джуди всецело ее поддерживала. У малышки были все данные для сцены. Она с трех лет занималась в балетной студии. Мишель тоже любила балет, но ее способности к танцам оказались явно скромнее, чем способности старшей сестры. Гэбби была звездой во всем, а Мишель – просто маленькой девочкой.

Адам и Джуди были спонсорами Этвуда, их пожертвования в фонд школы всегда были щедрыми, поэтому их дочерей с легкостью приняли в элитное заведение. Успеваемость Мишель была хорошей, она всегда получала высокие баллы, однако ее результаты блекли на фоне способностей сестры. Мишель росла хорошенькой, Гэбби – яркой красоткой.

Адам с удовольствием участвовал в жизни школы, даже пожертвовал «рендж-ровер» из своего салона для школьного аукциона. Мероприятие принесло школе большую прибыль и сделало Адама героем месяца. Это была приятная семья, с которой любили общаться учителя и другие родители, за исключением тех, кто считал их охотниками за славой. Впрочем, таких было немного.

Гэбби и Иззи продолжали дружить и в третьем классе. К восьми годам, казалось, их дружба только окрепла. Они менялись куклами Барби и одеждой. По выходным Иззи бывала в гостях у подружки, и родители не имели ничего против. На столе Иззи девочки выцарапали надпись «И + Г навсегда», за что, естественно, Иззи была наказана на все выходные. Она ужасно расстроилась, потому что они с Гэбби хотели вновь поменяться одеждой до вторника. У них был один размер, что позволяло давать друг другу кофточки и юбочки. Почти половина вещей Гэбби была розовой, другая – расшитой блестками и пайетками, что очень нравилось Иззи. Она перебрала уже весь гардероб подружки, за исключением дорогого розового пальто, которое мама привезла Гэбби из Парижа. Иззи любила не только свою одноклассницу, но и ее младшую сестренку Мишель. Гэбби страшно злилась, когда Изабелла принималась играть с ней в куклы, обвиняла сестру в разных глупостях, в которых та была не виновата. Сама Гэбби терпеть не могла развлекать Мишель, а делиться любимой подружкой с ненавистной сестрой и вовсе не желала. Лишь врожденное чувство такта, свойственное Иззи, позволяло избегать ссор и разногласий: Иззи умело включала Мишель в более взрослые игры и позволяла ей иногда выигрывать. Ей было жаль малышку, которой доставалось меньше внимания и заботы, чем старшей сестре. Сочувствие обделенным было такой же неотъемлемой чертой ее характера, как и верность. Она развлекала Гэбби, если той было скучно или грустно, звонила и выспрашивала о ней, когда та болела и была вынуждена пропустить уроки. В общем, Иззи была идеальной подружкой.

Джуди уже видела большое будущее для своей старшей дочери. Гэбби успела сняться для нескольких каталогов детской моды и даже участвовала в рекламной кампании для детской линии «Гэп». Никто не сомневался, что девочка станет звездой. Она уже была звездой среди сверстниц, черпая силы и уверенность в том числе и в поддержке лучшей подружки.

Иногда отец Иззи, Джефф, брал девочек в пиццерию или боулинг. Девочкам нравился клуб, хотя поднять шар им было практически не под силу. Иногда мать Иззи тоже выбиралась с ними в клуб, но обычно она слишком поздно возвращалась с работы. Если же она освобождалась пораньше, то брала работу на дом, а значит, шуметь и громко разговаривать запрещалось. Поэтому Джефф забирал девчонок из дома и вез в город, а иногда, уступив мольбам дочери, отвозил обеих к Гэбби в гости. Мама Иззи не возражала, хотя порой Гэбби слышала, как ругаются Джефф и Кэтрин по этому поводу. Джефф спрашивал жену, почему она не может взять хотя бы один выходной, и сразу за этим начинался скандал. Кэтрин напо-

минала ему, что если бы они жили на средства Джеффа, то давно пошли бы по миру, и что работать адвокатом для бедных, возможно, благородно, но только не по отношению к своей семье. Едва в разговоре всплывало словосочетание «адвокат для бедных», скандал было уже не остановить.

Пару раз о семейных ссорах Иззи заговаривала с Энди, он тоже был единственным ребенком в семье, и его родители тоже много работали. Но он лишь пожимал плечами и говорил, что его мама и папа не ссорятся. Например, мама могла вернуться за полночь, если роды выдавались слишком тяжелыми, но отец Энди старался поддержать ее, а не возмущался. Родители у Иззи были юристами, а у Энди – врачами. Порой его мать пропадала на работе по нескольку дней, а отец ездил в самые разные уголки страны с лекциями и даже появлялся на телевидении со своей очередной книгой. Конечно, лекции и съемки случались лишь тогда, когда никто из его постоянных клиентов не болел. Энди говорил, что отец еще более занятой человек, чем мама, потому что он решал человеческие проблемы не только как врач, но и как писатель. В семье была чудесная экономка, которая жила в доме и отлично ладила с мальчиком. Энди нравилось общаться с ней, поэтому отсутствие родителей его не угнетало. У Иззи была приходящая нянька, ее было не сравнить с экономкой Энди. Впрочем, Энди жил в большом доме, там нашлось бы место даже трем экономкам.

И если Иззи любила бывать в гостях у Гэбби, то Энди было метлой не выгнать из дома Шона. У Шона были удивительные, все понимающие, участливые родители. Конечно, мысленно поправлял себя Энди, и у него самого все понимающие родители, просто их слишком часто нет рядом, а О'Хара всегда дома, и с ними можно поговорить о чем угодно. Иззи тоже бывала у Энди, и ей нравилось притворяться, что мать Шона, Конни, – ее родная тетька. Конечно, она никогда не признавалась в этих глупостях Шону, но Конни действительно вела себя как родственница: обнимала и целовала при встрече, расспрашивала о жизни, давала советы. Иззи нравились все мамы в их кружке, и лишь ее собственная зачастую вела себя совсем не как мама. Она забывала поцеловать на прощание, почти не обнимала и мало говорила о школе и друзьях, занятая своими делами. Отец старался залатать эту брешь, уделяя дочери максимум внимания. Он играл с ней, брал ее в кино, водил в парки развлечений. Глядя на своих друзей, Иззи порой жалела, что у нее нет брата или сестры, но она понимала, что рассчитывать на такой подарок судьбы бессмысленно. Она даже один раз спросила у мамы, нельзя ли ей маленькую сестренку, но Кэтрин сослалась на занятость и возраст. Ей уже исполнилось сорок два, она была старше других мам, да и мужу ее было сорок шесть. Но если мама объясняла все возрастом и работой, то папа отвечал в другом ключе. Он утверждал, что другой такой чудесной девочки, как Иззи, у них не получится, поэтому и пытаться не стоит.

Даже в своем юном возрасте она понимала, что слышит лишь отговорки. Настоящая причина была в том, что ее родители больше не хотели детей.

По окончании школьного года Кевин О'Хара вляпался в неприятности. Иззи узнала об этом от Шона, когда они ели ленч в классе. Она и так догадывалась, что что-то случилось, потому что Конни два раза подряд пропустила свой черед поработать в качестве водителя общего микроавтобуса. Мэрилин и Джуди оба раза садились за руль вместо нее, ничего не объясняя. Иззи сразу заподозрила неладное.

– Дело в Кевине, – сказал Шон, протягивая подружке розовый пончик в обмен на яблоко. У Иззи всегда были с собой полезные фрукты, которые он так любил.

Иззи откусила пончик и сразу же перепачкала нос в розовой глазури, вызвав у Шона приступ хохота.

– Что смешного? – обиженно спросила девочка.

Шон часто над ней подтрунивал, но все равно ей нравился, ведь они были друзьями. «Пожалуй, из Шона получился бы отличный брат», – порой думала она. Однажды Шон оттолкнул четвероклассника, когда тот вздумал ее обозвать.

– Ты смешная. У тебя глазурь на носу. – Иззи немедленно вытерла нос рукавом, а Шон продолжал: – Кевин попал в беду на школьной дискотеке. Отец говорит, эти танцульки привлекают нехороших типов, и, похоже, он прав. Не знаю, в чем там конкретно дело, но Кевин сейчас вроде под подозрением, и ему грозит исключение из школы.

– А что он натворил? Подрался? – Иззи знала, что драка для Кевина – обычное дело. Его мать говорила, что во всем виновата горячая ирландская кровь. Впрочем, ее муж, будучи ирландцем, обладал спокойным характером и точно никогда не влезал в драки.

– Он пронес с собой бутылку папиного джина и подлил алкоголя во все стаканы с пуншем. Может, это был и не джин, не знаю точно. Короче, все напились, включая самого Кевина. Говорят, его рвало в туалете прямо на пол!

– Хорошо, что теперь у вас отдельные комнаты. А то вдруг однажды его вырвет прямо на твои вещи, – задумчиво сказала Иззи. Шону выделили личную комнату, как только ему исполнилось шесть, а Кевину тринадцать. – Фу, наверное, там отвратительно пахло!

Шон покивал, хотя мог только представлять, как пахло в школьном туалете после безобразий брата. Впрочем, он отлично помнил, как выглядел Кевин после дискотеки, когда его привезли домой.

– Ты бы знала, как разозлился отец! Ему позвонили из школы, чтобы он забрал Кевина. Кевину стало плохо, и ему вызвали «скорую», кажется, даже желудок промывали. Мама плачет целую неделю, боится, что его выгонят из школы. И вроде у Кевина плохие отметки, хотя он усиленно это скрывал.

– Ух ты! – выдохнула Иззи. – А когда станет известно, выгонят его или нет?

– На этой неделе, я думаю, – не слишком уверенно сказал Шон. Родители постоянно что-то обсуждали с Кевином, но не с ним, так что он мог лишь догадываться, о чем были разговоры. Шон лишь знал, что родители отправляют провинившегося сына в летний лагерь на три месяца и что это делается по совету школы. Именно туда отправляли тех, кто сильно провинился. Описание лагеря Шону понравилось. Кевину придется лазать по скалам, прятаться в пещерах, проводить ночи в лесу, купаться в холодном озере. Шон, конечно, переживал за брата. Отец твердил, что кривая дорожка приведет Кевина за решетку, если он не возьмется за ум. Шон молился, чтобы это были просто слова, произнесенные в сердцах. Исключение из Этвуда само по себе стало бы кошмаром, потому что тогда Кевина будет ждать обычная школа, где учатся не самые хорошие парни. А еще одна пьянка станет для него билетом в исправительный интернат.

Кевин твердил, что ему плевать, и вообще всячески показывал, что происходящее его мало заботит. Он утверждал, что отлично повеселился на дискотеке и стал всеобщим героем. А если выгонят из школы, его имя будут повторять еще несколько лет с трепетом и восторгом. Он был старшеклассником, и Шона пугали некоторые вещи, которые он узнал о старшей школе от брата.

– Ох, как волнуются твои родители, – пробормотала Иззи.

Кевин был единственным взрослым парнем, которого она знала. Конечно, он не обращал внимания на друзей брата, а застав Иззи у себя дома, называл ее презрительно Выходкой, потому что она все время оказывалась у него на пути. В школе Кевин с ней даже не здоровался. Он был высоким симпатичным парнем с копной черных волос, как у Шона. Когда-то рост послужил ему пропуском в баскетбольную команду Этвуда, но уже год, как Кевин бросил занятия.

– Спорт – это не мое! – утверждал он.

Его отец изрядно расстроился, узнав, что Кевин ушел из команды. Он полагал, что активные игры – единственный способ для парня выбросить излишек энергии.

В конце концов школа согласилась дать Кевину испытательный срок две недели и позволить пройти итоговые экзамены. Майк и Конни ради этого месяц обивали пороги и умоляли дать их сыну еще один шанс. Кевину было сказано, что, если он злоупотребит доверием школы и родителей и совершит еще один проступок, его вышвырнут из Этвуда с позором.

Кевин принял все условия, вел себя тише воды ниже травы и по окончании учебного года отбыл в летний лагерь в Сиerras. Обрато он вернулся возмужавшим, загорелым и с рельефными мускулами. Изменилось и его поведение. Он стал вести себя более ответственно. Ему исполнилось шестнадцать, и Майк поделился с Конни, что теперь их сын наконец повзрослел. Кажется, летний лагерь придал ему уверенности в себе, и родители надеялись, что результат задержится надолго.

– Надеюсь, теперь он будет хорошо себя вести, – говорила с волнением Конни.

Первые несколько недель Кевин казался идеальным сыном, даже помогал матери по дому. И только Шон понимал, что это притворство. Он видел, как Кевин стащил из холодильника пиво в первые же дни после возвращения из лагеря, а чуть позже заметил, как тот прячет в карман пачку сигарет. Конечно, ябедничать Шон не собирался, но стал исподволь наблюдать за братом.

Шон и Иззи вместе с остальными – Билли, Энди и Гэбби – направлялись в школу в свой первый учебный день четвертого класса. Они выбрались из микроавтобуса, без перерыва о чем-то споря. Все пятеро продолжали дружить и каждый год царапали на партах слова «друзья навсегда», за что потом получали сполна от классного руководителя. Парты красили каждый год, и каждый год надпись появлялась снова, подтверждая тот факт, что «Большая пятерка» до сих пор не распалась. Девчонки зачастую притворялись сестрами перед новыми учителями и другими девочками, а мальчишки как-то в боулинг-клубе наплели одному завсегдаю, что они – тройняшки, и тот – хотя и не безоговорочно – им поверил, несмотря на их различия во внешности.

Друзья навсегда. Да, именно так они о себе думали в четвертом классе.

Глава 3

Жизнь шла своим чередом вплоть до восьмого класса, когда многое начало меняться. Стать тринадцатилетним – словно увидеть мир совершенно под другим углом. Каждый из пятерых друзей незаметно для самого себя стал подростком. Через год им предстояло пойти в старшую школу, а это означало первый шаг во взрослую жизнь. Конни шутила, что они все те же малыши, что и в детском саду, просто стали выше ростом. Шон по-прежнему обожал полицейские репортажи, смотрел все передачи про судебную структуру, фильмы про убийства, криминальные сводки в новостях. Билли все так же отдавал всего себя спорту, особенно футболу, и коллекционировал футбольные и бейсбольные карточки с автографами игроков. Гэбби продолжала участвовать в местных рекламных кампаниях, ее фотографии появлялись в каталогах одежды, она играла в школьных спектаклях, получая только главные роли. Энди великолепно учился, его фото неизменно висело на доске почета. Иззи с удовольствием участвовала в различных социальных проектах вроде помощи ветеранам и инвалидам или сбора пожертвований и вещей для детей из малоимущих семей, покупала игрушки для сирот, зачастую добавляя к общественным средствам все свои карманные деньги.

Билли и Гэбби выросли чуть быстрее остальных. Они проводили много времени вместе, а после рождественских каникул объявили себя парой.

– Серьезно? – Изабелла округлила глаза, услышав новость от подружки. – В каком смысле «пара»? – Она понизила голос и, обернувшись, дабы убедиться, что их не подслушивают, спросила: – Ты что, уже делала с ним это?

Гэбби засмеялась звонко, как колокольчик, словно участвовала в спектакле, и красиво откинула волосы назад.

– Ты с ума сошла, нет, конечно! Пока рано, мы же еще не взрослые. После старшей школы будет колледж, вот тогда и попробуем. Главное, что мы любим друг друга, а остальное не так уж важно.

У нее был такой уверенный голос, что Иззи покачала головой.

– Откуда тебе знать, что это любовь? – спросила она недоверчиво. В их компании все любили друг друга, как бывает между хорошими друзьями, но ведь ей и в голову не пришло бы объявить себя парой с Шоном или, например, с Энди. Они были друзьями, лучшими друзьями, что правда, то правда. Но как отличить это от чувств, которые связывают Билли и Гэбби? Что такого могло произойти за рождественские каникулы, что все изменилось?

– Он поцеловал меня, – призналась Гэбби. – Только не рассказывай моей маме, хорошо? Ах, он такой хороший!

Она выглядела смущенной и взволнованной, и ее подруга вновь покачала головой. Иззи не нравился ни один мальчик. Ну... в том самом смысле. Вряд ли она смогла бы поцеловать кого-то из одноклассников.

– Эй, ты чего хмуришься? – Гэбби засмеялась. – Вы с Шоном могли бы тоже стать парой. Попробовали бы поцеловаться... – У нее был тон взрослой, опытной девицы.

– Фуууу! Гадость какая! Он же мой лучший друг!

– Ну, мы с Билли тоже думали, что мы друзья. – Гэбби позабавила реакция подруги насчет Шона. Тот с годами явно стал очень симпатичным, хотя ростом еще отставал от Билли. Некоторые восьмиклассницы хихикали смущенно, обсуждая Шона, и даже считали его красавчиком. Шону, впрочем, было плевать. Девчонки интересовали его куда меньше, чем сериалы про ФБР и криминальные сводки. Возможно, именно поэтому к Иззи он относился как к сестре.

– Ты – моя подруга, – попыталась объяснить Иззи. – Мы все друзья, ты же знаешь. И вообще мне кажется странным встречаться с парнем в нашем возрасте. – По ее лицу было видно, что она не одобряет поведение подруги.

Гэбби пожалала плечами, не разделяя мнение Иззи.

– Может, и так. Но как он целуется! – Она картинно закатила глаза, и Иззи передернуло от омерзения.

– Брр, прекрати!

Они обе рассмеялись и вместе вошли в класс.

У Билли почти весь день был расписан под тренировки, но на перемене он нашел момент, чтобы рассказать новость Шону и Энди. Оба поразились переменам и затребовали подробного отчета о том, как далеко все зашло. Билли сказал, что они с Гэбби «кое-что делали, но прошли не весь путь», тем самым напустив таинственности. Шон и Энди испытали такой же шок, как Иззи чуть раньше. Пожалуй, наступала новая эра в отношениях «Большой пятерки». Когда двое делают шаг вперед, остальные волей-неволей ощущают себя опоздавшими. Кроме того, Иззи, Шон и Энди теперь словно остались за бортом, с ними делились не всем, их словно вычеркнули из какой-то части отношений, тем самым поставив под угрозу дружбу. Однако все это не подтолкнуло Иззи ни к кому из оставшихся двоих ребят, которых она воспринимала не иначе как братьев. Кроме того, в глубине души она понимала, что, выбрав одного, неизбежно обречет на одиночество другого, а это было несправедливо.

Потребовалось время, чтобы друзья приняли отношения Гэбби и Билли как данность, но уже к весне жизнь «Пятерки» пришла в равновесие. Парочка продолжала встречаться, и юные чувства ничуть не угасали. Билли и Гэбби целовались, прохаживались в обнимку или взявшись за руки, но дальше этого не заходило. По настоянию Мэрилин Ларри завел с сыном беседу о необходимости использования презервативов и о том, как опасна беременность в столь раннем возрасте, но Билли с улыбкой сообщил, что презервативы ему пока ни к чему. Ларри был слегка разочарован, а Мэрилин испытала облегчение. На другой день она пообщалась в кафе с Джуди, пытаясь узнать ее мнение о том, не врут ли их дети насчет секса. Джуди лишь вздохнула и пожалала плечами. Как она могла быть уверена?

– Нынешнее поколение такое продвинутое, им не нужны наши советы, – сказала она. – Конечно, Гэбби мне все рассказывает, но кто знает... Я хочу, чтобы она начала принимать противозачаточные. Так, на всякий случай.

Джуди казалась спокойной, хотя Адаму она ничего не рассказала. Он слишком опекал дочерей, и частые появления Билли в их доме уже казались ему угрозой.

– Им же всего по тринадцать! – Мэрилин схватила рукой за голову. – Разве можно строить отношения в таком юном возрасте? Они же совершенно не знают эту сторону жизни!

– Порой мне кажется, что эту сторону жизни не знает никто, – заметила Джуди, и Мэрилин горько улыбнулась. Она немного завидовала подруге. Адам и Джуди сохранили свежесть чувств и даже теперь, спустя пятнадцать лет брака, души друг в друге не чаяли.

У Мэрилин и Ларри последние два года отношения совсем не ладились. Ларри продолжал пить и все больше раздражался по мелочам. Порой Мэрилин начинала подозревать измену, но муж все отрицал. Он часто задерживался в барах с клиентами, возвращался далеко за полночь, но всякий раз отмахивался от ее предположений о любовнице. Доказательств у Мэрилин не было, и оставалось только надеяться, что Ларри ее не обманывает. Она проводила все свободное время дома с мальчишками, которым теперь было тринадцать и восемь. Забот всегда хватало. Иногда ее саму изумляло, что в тридцать восемь она превратилась в домоседку. Ларри никогда не звал ее с собой, потому что любил «общаться с парнями». Сама Мэрилин особо не рвалась общаться с подругами, а любые попытки напроситься куда-то с мужем вызывали у него волну гнева.

– Хватит ныть! – возмутился он. – Моя работа и мои клиенты дают нам все, что у нас есть. Этот дом, деньги, шмотки – все это моя заслуга! Если тебе нужно с кем-то возиться, помимо детей, если тебе скучно, заведи себе собаку. У каждого своя работа. У меня клиенты, у тебя дети. Точка!

Его общение с сыновьями целиком зависело от того, сколько он выпил. Брайан был ему неинтересен, потому что о спорте с ним поговорить было нельзя. А когда команда Билли проиграла последний бейсбольный матч, по возвращении домой Ларри назвал старшего сына слабаком и неудачником. Билли ушел в комнату в слезах, а Мэрилин и Ларри так сильно поругались, что едва не дошло до рукоприкладства. В итоге Мэрилин сдалась и заперлась в спальне до утра. Ларри так и не извинился ни перед ней, ни перед сыном. Поутру Мэрилин пыталась понять, а помнит ли муж стычку, или затуманенный алкоголем мозг вовсе выкинул неприятный инцидент из его памяти? ... Она сама извинилась перед Билли за отца и попыталась объяснить его гнев сильнейшим разочарованием.

– Он просто был расстроен и не понимал, что его слова ранят, – мягко сказала Мэрилин. И она сама, и Билли знали, что Ларри все понимал.

Сын стал заниматься с еще большим упорством. Он так хотел добиться успеха, так хотел заслужить одобрение отца, что готов был рвать мышцы и часами обливаться потом, лишь бы добиться успеха и больше никогда не слышать слово «неудачник» из уст Ларри.

Мэрилин и Джуди частенько говорили об отношениях своих детей. Мэрилин так переживала за Гэбби, словно та была ее собственной дочерью. Она страшно боялась, что в порыве влечения юные влюбленные потеряют контроль и займутся сексом. Джуди, напротив, была спокойна и уверена в своей дочке.

– Гэбби – умница, – говорила она. – Я верю, что она устоит.

Но Мэрилин твердила, что на свете очень много умных девочек, которые теряют контроль и беременеют от своих мальчиков. Она желала предотвратить несчастье, которое могло случиться с ее ребенком по неосторожности.

Конни напомнила подругам, что ее Кевин уже в тринадцать занимался сексом. Впрочем, ее младший сын, Шон, в таком же возрасте был явно весьма далек от мыслей о плотских утехах. Все дети разные, и у каждого из них свой путь и своя скорость.

К тому моменту волнения Конни за Кевина немного поутихли. Теперь он учился в университете Санта-Круса, причем получал хорошие отметки. Правда, он выглядел как хиппи, весь в татуировках и пирсинге, с длинными лохматыми волосами. Внешность никак не влияла на его успеваемость уже целых два семестра. Но Конни все равно переживала. Домой Кевин звонил нечасто, предпочитая, чтобы его не трогали и не ограничивали свободу. Всю свою заботу Конни перенесла на младшего сына, опасаясь, что он пойдет по той же дорожке, что и старший.

Втайне она немного гордилась Кевином, его самостоятельностью и тем, что он смог найти себя в двадцать лет после того, как все ждали, что ему не миновать тюрьги.

Главной звездой восьмого класса был, естественно, Энди. Никто даже не сомневался, что он станет круглым отличником. Он никогда не подводил родителей и так же, как они, хотел стать врачом. Практикующим врачом вроде мамы, а не психиатром, как папа. Энди мечтал лечить телесные недуги, а не странности мозга, однако намеревался поступить в Гарвард, как отец. И точно так же, как пятерки в таблицу, Энди с легкостью получал грамоты и занимал призовые места на научных олимпиадах. У него был настоящий талант к точным наукам, поэтому Иззи порой называла его Доктор Энди. Он не имел ничего против, скорее ему льстило это прозвище. В спорте он тоже показывал успехи, к тринадцати у него было крепкое, тренированное тело. Энди входил в сборную по теннису и по воскресеньям участвовал в соревнованиях, а остальная четверка приходила посмотреть, как он играет. Друзья

не пропускали ни теннисных турниров Энди, ни футбольных матчей Шона и Билли, а на играх по баскетболу и соккеру среди девочек трое ребят всегда сидели на трибунах и отчаянно болели за подруг.

Ларри тоже ходил на все футбольные матчи, болел за Билли и всегда громко выкрикивал с трибуны советы. Если сын проигрывал, Ларри жестко ругал его, выказывая раздражение и злость. Шон не раз пытался вступить за друга, даже привлекал к спору своего отца, но тогда Ларри ополчался и против него.

– Мистер Нортон, мы хорошо играли, – после одного из поражений смело сказал Шон. – Билли отлично пасовал. В другой команде сливали все передачи, вы заметили?

Тренер даже хвалил ребят, несмотря на поражение. Особенно он отметил игру Билли.

– Не городи ерунды! – резко ответил Ларри. – Если бы это были хорошие передачи, команда бы не слила матч. Билли играл, как сонная муха! – Он вяло повел плечами, изображая поведение сына на поле.

Никто из детей и даже родителей не любил Ларри, а Шон так и вообще с трудом его выносил. Ему было обидно за друга и его младшего братишку. С Брайаном Ларри и вовсе не разговаривал, хотя на игры они всегда приходили вместе. Ларри вел себя так, словно младшего сына не существовало, поскольку он не был спортсменом.

– Мистер Нортон, наши соперники были не просто середнячками, это команда округа...

– Не тебе об этом рассуждать, О'Хара! – резко осадил Шона Ларри. – Ты вообще паршиво играешь, твой мяч летит, куда ему вздумается. Тебя пора выгнать из команды и отправить играть в волейбол с девчонками!

– Хватит, пап, – тихо вмешался Билли, пытаясь защитить друга. Он знал, что его отец уже немало выпил, а пьяным он мог быть опасен. Ему уже не раз доводилось видеть отца в бешенстве дома, но только не в школе. Билли было почти страшно.

– Да вы просто парочка жалких слабаков! – рявкнул Ларри, сел в машину, резко хлопнув дверцей, и сразу же уехал.

Билли растерянно посмотрел ему вслед, затем обернулся к Шону. Его плечи поникли, в глазах стояли слезы. Верный друг просто обнял его за плечи, и так, в обнимку, они пошли в раздевалку, не обменявшись больше ни словом.

Брайан ждал снаружи, пока ребята переоденутся в джинсы и футболки. Он видел стычку от начала до конца и очень сочувствовал брату. Ему нравилось смотреть, как играет Билли.

Все трое молчали. К вспышкам Ларри давно привыкли. Все, включая других родителей, видели, как отец Билли уехал домой, оставив сына.

Гэбби ждала любимого возле школы. Она похвалила его игру, преданно заглядывая в глаза. Билли вздохнул и обнял ее за талию, привлекая к себе.

– Да брось... – вяло откликнулся он, пытаясь натянуть на лицо улыбку. Перед глазами все еще мелькало полное бешенства лицо отца.

К тринадцати Билли уже вытянулся до метра восьмидесяти, и ему вполне можно было дать все шестнадцать. Гэбби тоже казалась старше своих лет, поскольку носила взрослую стрижку и даже немного подкрашивала глаза с разрешения матери. Они были красивой парой. Более того, Гэбби и Билли отлично ладили, совсем не по-детски поддерживая друг друга.

Они продолжали встречаться, что нисколько не мешало дружбе с остальными. Порой Билли брал с собой младшего брата, угощал мороженым и гамбургерами, когда дружная «Пятерка» собиралась в кафе. Для Брайана такие дни становились настоящим событием. И вся «Большая пятерка» была ему искренне рада.

Весенние каникулы друзья провели в полном безделье: ходили на бейсбольные матчи, купались в бассейне своего одноклассника в долине Напа, куда их пригласили на целый день. Конни и Майк О'Хара устроили барбекю на заднем дворе дома для всей компании, и ребята отлично провели время.

А на следующий день позвонили из университета Санта-Круса. Полиция обвиняла Кевина в торговле наркотиками прямо на территории учебного заведения. Якобы он пытался продавать марихуану другим студентам, хотя прямых доказательств этого не было. Сержант полиции предупредил Майка, что Кевину грозит четыре года тюрьмы, не говоря уже об исключении из университета. Обвиняемого заключили под стражу и посадили в камеру предварительного заключения.

Да, Кевину исполнилось двадцать, и свершилось то, чего так боялись его родители. Он жил по своим собственным правилам, опирался на собственный свод законов, а законы страны и семьи были для него пустым звуком.

Кевин позвонил домой днем, когда Майк уже связался со своим адвокатом. Он собирался отправиться в Санта-Крус ранним утром, чтобы внести за сына залог. Кевин умолял выволить его немедленно, но полиция заверила, что ночь в камере пойдет парню только на пользу. Виновнику следовало поразмыслить над тем, куда он движется. Семья ужасно переживала за Кевина, особенно Шон. Свободолюбие брата, его вечная страсть к нарушению закона не только не вдохновляли его, а скорее наоборот – подталкивали идти другой дорогой. Шон все еще мечтал стать полицейским, а позже, если повезет, вступить в ряды ФБР или ЦРУ.

Утром Шон выглядел довольно мрачно, когда родители отправляли его к Билли домой. В Санта-Крус его братья не стали.

Адвокат настаивал на освобождении подсудимого под залог и небольшом сроке в реабилитационной клинике для наркоманов. Судья пошел навстречу, слушание должно было состояться через две недели. Это давало время, чтобы подобрать самый мягкий вариант наказания и представить его суду. К величайшему сожалению родителей Кевина, никакие доводы не могли повлиять на решение об исключении из университета. Они по-настоящему горевали об этой утрате.

Домой Кевин вернулся немного подавленным, но отнюдь не сломленным, как будто ночь за решеткой и возможность сесть в тюрьму не слишком его взволновали. Шон обратил внимание, что брат постоянно держит при себе свой рюкзак, словно боится с ним расстаться. Это навело его на мысль о заначке с наркотиками. За ужином Кевин был каким-то странным и заторможенным, но заметил это только младший брат. Возможно, Кевин накурился или сделал еще что-то похуже.

Шона бесило поведение брата, которому было плевать на родителей, на их дом, на себя самого. Он только-только выбрался из камеры – и уже снова под кайфом!

– Ты причиняешь боль маме и папе, – расстроено сказал Шон после ужина, зайдя в комнату брата.

Кевин лежал на кровати и смотрел клипы по музыкальному каналу. Выглядел он неестественно счастливым.

– Не фиг шляться ко мне с нравоучительными лекциями, – буркнул Кевин, раздраженно взглянув на младшего брата. – Ты пока еще не коп, даже если мозги у тебя, как у чертова законника.

– Папа был прав, – тихо сказал Шон. – Ты угодишь в тюрьму.

Он сотни раз смотрел сериалы с подобным началом по телевизору. Ни прежнего восхищения, ни уважения к своему брату он больше не чувствовал. Было противно то, что Кевин творил, какими несчастными он делал родных. Мама проплакала два дня, когда папа рас-

сказал ей о проделках сына. Оба они были растеряны и не знали, как поступить. Казалось, выхода не существовало: Кевин и впредь собирался жить так, как ему вздумается.

– Э нет, маленький зануда. Меня выпустят. Исправительные работы – это максимум, что мне грозит. Возможно, клиника для нариков. Думаешь, в судах мало таких дел? Это же анаша, не крэк, не героин. Просто пара косяков травки, парень!

Пара косяков! Шон скривился. У Кевина при обыске нашли целый пакет марихуаны в машине. Полицейский остановил его за превышение скорости возле университета и заподозрил неладное, заглянув в глаза.

– Все равно это незаконно, – упрямо сказал Шон, уперев кулаки в бока. Он насупился, тогда как Кевин взирал на него, иронично ухмыляясь. Брат был под кайфом, когда его арестовали. Возможно, даже ночью в камере его не отпустило, и он плохо соображал, какое несчастье его постигло. Говорят, он позвонил родителям, а потом проспал всю ночь сном младенца. – Сейчас это травка, но в другой раз может быть что-то и похуже. Этот твой крэк или героин, а может, ЛСД и мешок грибов – откуда я знаю, какое еще дерьмо ты с друзьями употребляешь!

– Да что ты вообще знаешь о моих друзьях, а? – внезапно разозлился Кевин. – Откуда ты знаешь, что я что-либо употреблял?

– Младшие братья иногда слышат то, чего не слышат родители.

– Да ты просто сопляк, который вообразил себя законником!

– А кем себя вообразил ты? Умным и взрослым? Да не будь ты старше меня, я бы надрал тебе задницу! – Шона трясло от бешенства, а Кевин гадко засмеялся и указал на дверь пальцем.

– Ой, как страшно, братец! Вали из моей комнаты, пока цел, малявка! – У него был такой чужой взгляд, словно их с Шоном никогда и ничто прежде не связывало – ни дружба, ни родство. Пожалуй, Кевин всегда был немного чужаком в семье О’Хара. Он упрямо ломал стереотипы, нарушал правила, шел запрещенными тропами и всякий раз заходил все дальше.

Шон молча вышел и закрыл за собой дверь.

Следующие два дня родители провели в бесконечных визитах к адвокатам. Они нашли клинику для наркоманов в Аризоне, лечиться в которой мог обязать Кевина суд. Вариант с исправительными работами и условным заключением тоже не исключался, поэтому родители страшно переживали. К предварительному слушанию готовились с волнением. Отец заставил Кевина побриться и постричься, а также велел вести себя в суде уважительно. Кевин только кривился в ответ, но молчал. Так было до того момента, когда Майк протянул ему костюм на вешалке, а Кевин буквально отпрянул. Майк посмотрел на сына почти с угрозой.

– Сделай это ради матери. Не заставляй ее страдать еще больше, – сквозь зубы прошипел он.

Кевин недовольно кивнул и взял вешалку с костюмом. Майк дал ему свою рубашку и галстук, а также пару туфель, поскольку у него был один размер с сыном.

Две недели Кевин был под постоянным присмотром семьи, его не пускали дальше двора дома и следили из окон за тем, как он слоняется в тени. Конечно, идея с лечебницей не пришлась ему по душе, однако это было гораздо лучше перспективы провести за решеткой ближайшие четыре года.

В Санта-Крус ехали в полном молчании. Пришлось тащиться по пробкам почти три часа, так что О’Хара едва успели к назначенному времени встречи с адвокатом. К счастью, у них с собой было заветное положительное решение аризонской клиники для Кевина, что давало ему возможность избежать тюрьмы. В зал заседания семья вошла в таком же молчании, в каком прошла дорога. Кевин выглядел подавленным, хотя и не был столь мрачен, как

его родители. Шон остался у Билли: Мэрилин обещала отвезти обоих ребят на бейсбольную тренировку.

После того как обвинитель и адвокат по очереди произнесли короткие речи, судья углубился в чтение письма из клиники, никоим образом – ни одним движением брови – не выказывая своего настроения.

– Что ж, молодой человек, – обратился он наконец к Кевину, – на этот раз вам очень повезло. Многие родители в подобной ситуации предпочитают бросить своего ребенка на произвол судьбы в качестве наказания за его поступок или же в надежде на исправление. Возможно, для вас это само собой разумеется – подобное участие близких, и вы не понимаете, какой вы счастливый человек. Решение, которое я сейчас оглашу, я вынес в большей степени ради них, а не ради вас. Надеюсь, вы осознаете, на какой путь едва не ступили, и следующий ваш шаг будет правильным. Приговариваю вас к шести месяцам исправительного лечения в клинике для наркоманов в Аризоне. Поверьте, по сравнению с тюрьмой это просто загородный клуб. На вашем месте я бы безвылазно сидел в клинике и вел себя тихо и послушно, как мышка. Если вы нарушите режим или сбежите, вас ждет тюрьма. Более того, ближайшие два года вы будете находиться под наблюдением. Малейшее нарушение закона – даже штраф за неправильную парковку – приведет вас на скамью подсудимых. Я достаточно ясно пояснил вам ваши права и обязанности?

Кевин кивнул, закусив губу и едва сдерживая гнев. Полгода в клинике – это же кошмар наяву! Спасибо сердобольным мамаше с папашей, по чьей милости он угодил почти что в психушку! Кевин был в бешенстве и отчаянии одновременно. Судья сказал, что у него в запасе всего сутки, чтобы перебраться в клинику в Аризоне, с момента выхода из дворца правосудия и до момента подписания документов и сдачи личных вещей охране лечебницы.

Судья спросил, будет ли Кевин брать последнее слово. Тот качнул головой, глядя в стол. Вместо него заговорил Майк, который прерывающимся голосом поблагодарил судью за столь мягкое решение.

– Желаю удачи. Она вам понадобится. – В голосе судьи звучало сочувствие.

По щекам Конни заструились слезы, Майк тоже прослезился. Последние две недели были похожи на агонию.

Обратная поездка в Сан-Франциско прошла в гробовом молчании. Майк лишь сделал звонок секретарю, распорядившись заказать ему два авиабилета до Аризоны на семь утра. Он собирался отвезти Кевина в исправительное учреждение лично, чтобы тот не мог сбежать по пути.

Дома Кевин сразу же пошел к себе и закурил в комнате, даже не открывая окна. Вонючий кисловатый запах окутал весь дом. Кошмар почти закончился, Кевина ждала клиника с жесткими условиями, поэтому последний день он мог выпендриваться сколько влезет. Всего через сутки за любую провинность его могли отправить в тюрьму. Вскоре все должно было закончиться, впереди полгода тишины и покоя, и если Кевин не натворит глупостей, их ждет безоблачное будущее. По крайней мере на это можно было надеяться.

Как только старший сын скрылся в своей спальне, а Майк отправился в душ, Конни собралась к Билли забрать Шона. Приятели как раз должны были вернуться с баскетбольной тренировки.

Когда Конни заглушила мотор, Шон сразу же бросился к ней, взволнованно заглянув в лицо. Каким бы болваном и эгоистом ни был Кевин, все равно он приходился Шону родным братом, и возможность тюремного срока пугала мальчишку.

– Ну как все прошло? Его не посадили? – выпалил он.

Мать покачала головой. У нее был измученный вид.

– Нет, Кевина отправляют в клинику на лечение. Полгода лечения и два года на исправление без права на ошибку. – Это были скорее хорошие новости, но по тону было заметно,

что она все равно расстроена. Мать понимала: Кевин зашел так далеко, что останавливаться на достигнутом не собирался. Благоразумие никогда не было его сильной чертой.

Впереди семью ждали регулярные сеансы семейной психотерапии по выходным, бесконечные перелеты до Аризоны и обратно, мучительные страхи, что Кевин сорвется. Своей бесшабашностью он погрузил семью в маленький ад и даже не сознавал, что натворил.

– Он справится, мам, – сказал Шон, чтобы ее ободрить, но сам не слишком верил своим словам.

Увидев, как Конни разговаривает с Шоном и Билли, Мэрилин вышла во двор, чтобы узнать, как все прошло. В голосе подруги сквозило облегчение. «Любая клиника лучше, чем тюрьма», – сказала она с вялой улыбкой. У Конни был измученный вид, руки висели вдоль тела, как плети, взгляд потух. Мэрилин обняла ее и погладила по спине. Казалось, тело Конни потеряло гибкость, такое в нем поселилось напряжение.

Билли, не зная, что сказать, хлопнул Шона по плечу и улыбнулся, давая понять, что готов в любую минуту прийти на помощь. Шон улыбнулся в ответ и пожал плечами.

Тем же вечером ему позвонила Иззи.

– Ну, какие результаты?

– Тюряги братец избежал, – сообщил Шон. – По крайней мере на этот раз. Но если сделает хотя бы один неверный шаг – прощай, свобода! Не знаю, почему ему надо постоянно быть занозой в чьей-то заднице? – Он вздохнул. Он не мог точно сказать, за кого больше переживал – за брата или за родителей, но волновался так сильно, что чувствовал себя истощенным. Шон не переставал удивляться тому, с какой легкостью Кевин прожигает свою жизнь и подвергает риску жизнь близких.

– Люди сделаны из разного теста, – тихо заметила Иззи. – Даже от одних родителей могут родиться совершенно разные дети. Тут нет ничьей вины. – Она вздохнула. – Как твоя мама, сильно переживает? – Все знали, как тяжело восприняла арест старшего сына Конни.

– Ужасно. Говорит о случившемся мало, а вид такой, словно ее пыльным мешком по голове огрели. Кстати, отец чувствует себя ничуть не лучше. И завтра ему везти Кевина в Феникс.

– А как сам Кевин? Напуган? – спросила Иззи, не представляя, как в подобной ситуации можно сохранять хладнокровие.

– Думаю, он слегка струсил, когда его взяли, не более того. Считает себя вправе обижаться на весь мир. Ты бы видела его лицо, когда он спустился к ужину! Словно мы все здорово ему задолжали. И клянусь, он снова накурился! Родители не поняли, но у него был странный взгляд, да и майка провоняла травкой. – Шон вздохнул. – Он бы вообще не стал с нами есть, но отец попросил сделать это ради мамы. А она проплакала над тарелкой весь ужин.

Иззи чувствовала, с каким трудом держится Шон, и бесконечно сочувствовала его бедной маме.

Майк и Кевин уехали, когда Шон еще спал. Конни пыталась обнять сына напоследок, но тот отстранился. Майк схватил его за руку и так стиснул пальцы, что они хрустнули.

– Попрощайся с матерью, – сквозь зубы прошипел он, и Кевин повиновался, с прямой, негнушейся спиной, словно был деревянным.

Когда они уехали, было еще темно, и Конни вернулась в постель, где свернулась клубком. Так она и пролежала до вечера, пока не вернулся Майк, не сел рядом и не притянул ее к себе. Тогда Конни разрыдалась.

– Как он себя вел, когда ты уезжал? – сквозь слезы спросила она.

– Смотрел, как на величайшего врага. Он ненавидит меня, судя по всему. Посмотрел, отвернулся и пошел. Как будто он попал в клинику из-за меня, а не по решению судьи и по своей собственной безалаберности!

С отъезда Кевина дом О'Хара внезапно стал очень тихим, хотя и прежде Кевин уезжал, например, в колледж. Однако последний краткий приезд старшего сына принес семье столько горя, что уже казалось, будто Кевин несколько месяцев кряду дебоширил, пьянствовал и курил травку в стенах отчего дома. Теперь тут воцарилось такое спокойствие и безмолвие, словно дом внезапно превратился в музей.

Шону так нравилась сама мысль о том, что у него есть взрослый, мудрый брат, что расставание с ней далось ему весьма нелегко. Он старался отвлечься на учебу, а в свободное время много таращился в телевизор. Его по-прежнему интересовали полицейские детективы и криминальные сводки. Иногда приходила Иззи, и они делали уроки вместе. Девочка пекла хрустящее печенье и кексы для своего друга и его родителей в попытке их поддержать. Она видела, какими печальными, осунувшимися стали лица всех О'Хара.

Шон пребывал в мрачном расположении духа несколько недель, пока не начались экзамены, в подготовку к которым он ушел с головой, и его настроение потихоньку выправилось.

Иззи тоже сдавала экзамены, причем довольно успешно. Она радовалась, что в жизни друга все налаживается, и совершенно не ждала никаких неприятностей, пока как-то вечером к ней в комнату не зашел отец.

– Спустись вниз, нам надо поговорить, – сказал он напряженным тоном.

Поначалу Иззи просто немного удивилась, однако в гостиной ощутила сильнейший приступ тревоги, увидев маму, которая сидела на стуле с поникшей головой.

– У меня неприятности? – спросила она, переводя взгляд с отца на мать и пытаясь припомнить хоть какую-то провинность, за которую ее могли отругать, но ничего не шло на ум. Возможно, позвонили из школы – сообщить, что она провалила какой-то тест.

– Твоя мама и я... Мы разводимся, – негромко сказал Джефф и опустил на стул.

Иззи, сидя на банкетке, переводила взгляд с отца на мать. Сцена казалась ей совершенно нереальной. Мать избегала смотреть на нее, словно была виновата. Наступила такая тишина, что клацанье стрелок старинных часов стало казаться ударами молота по наковальне. Иззи никогда прежде не слышала, как ходят часы в гостиной, попросту не замечала их постукивания.

– Мы разводимся, – повторил Джефф, словно опасаясь, что дочь могла не понять.

Иззи отрешенно застыла. Чего они ждали от нее? Каких слов? «Да как вы можете?» «Почему?» «Разве вы не любите друг друга?» «А что же будет со мной?» Все это пронеслось у нее в голове, но ни один из вопросов так и не слетел с губ. Ей хотелось расплакаться или закричать, но почему-то она сидела молча и даже не шевелилась.

Наконец, измученная тишиной, Кэтрин подняла глаза на дочь. В ее взгляде ничего невозможно было прочесть.

– И кто принял решение? – с трудом спросила Иззи. Она была уверена, что развода хочет мать, которая слишком часто выражала недовольство своим браком.

– Мы оба, – ответил отец, в то время как мать смотрела на них обоим странным, отчужденным взглядом.

Кэтрин уже долгие годы чувствовала себя посторонним человеком в собственной семье. Она никогда не хотела детей, предупреждала об этом Джеффа с самого начала, еще до свадьбы.

Они встретились в юридическом колледже и через многое прошли вместе. Когда-то Джефф стремился работать в составе крупной корпорации, мечтая однажды возглавить юридический отдел. Однако интернатура в Американском союзе защиты гражданских свобод заставила его пересмотреть свои цели и интересы. Поначалу он остался на летнюю стажировку, а потом был зачислен в штат.

Желания и убеждения Кэтрин не менялись никогда. Она прекрасно себя знала, знала, чего от себя ждать, но Джефф... Джефф постепенно превращался в другого человека.

Однажды он решил, что ребенок укрепит семью, склеит ту трещинку непонимания, что пробежала между ним и женой. Он обещал всячески помогать и сдержал свое слово – проводил с дочкой времени куда больше, чем мать, стараясь облегчить ей ношу. Но к ужасу Кэтрин, это не заставило ее принять материнство как должное. Ей всегда казалось, что она совершила чудовищную, непоправимую ошибку, и ценой ошибки стало появление на свет человека, заслуживавшего, но не получавшего любви. Иззи росла чудной, очень спокойной девочкой, но Кэтрин всегда смотрела на нее, как на пришельца, как если бы внутри ее не хватало какой-то существенной детали, важной частицы головоломки, способной однажды сложиться в радость материнства. Стыд за саму себя, за свою неспособность любить свое чадо, за эту ущербность подтачивал ее изнутри. Она ненавидела Джеффа за то, что он сумел уговорить ее на рождение ребенка. Ее собственные родители всегда были прохладны к ней, и ей неоткуда было научиться любви к детям. Видит Бог, она и не хотела. Каждый раз, глядя на свою дочь, она ощущала себя настоящим чудовищем и знала, что Изабелла чувствует это.

Развода просил Джефф, и внутренне Кэтрин была ему за это признательна.

– Твоей маме предложили новую работу. Это очень хорошее место и отличный проект, – объяснял Джефф. – Она будет главным юридическим консультантом в большой фирме, ей придется много переезжать. А это... не совсем то, к чему каждый из нас готовился, когда мы стояли у алтаря, милая. Но в жизни такое бывает. Люди меняются. Обстоятельства меняются. – Джефф заглядывал дочери в глаза. – Наш брак исчерпал себя.

– Выходит, ты променяла нас на работу? – спросила Иззи у матери с неприязнью.

Этот вопрос и тон, которым он был задан, резанули сердце Кэтрин, словно нож. Ей не следовало рожать ребенка! Теперь ее дочь вынуждена платить за ее ошибку. Но даже осознание собственной ущербности не могло подтолкнуть Кэтрин на путь, который был ей чужд. Она знала, что Изабелла все чувствует, все понимает, и ничего не могла с этим поделать. Дочери всегда доставалась лишь крохотная толика материнского времени и внимания, но почти ни грамма материнской любви. Малышка росла, постоянно ощущая, насколько она лишнее звено в жизни родной матери. Джефф пытался залатать эту дыру, как мог, но она лишь ширилась год от года, превращаясь в зияющую пропасть. А теперь мать бросала их, бросала ради работы!

– Я не променяла вас на работу, – вяло сказала Кэтрин. Она знала, что по сценарию должна обнять дочь, чтобы утешить, но не могла даже протянуть к ней руки. – Мы с твоим папой заключили честное соглашение. Три дня в неделю ты проводишь с отцом, а затем три дня – со мной, если я буду в городе. А по воскресеньям можешь сама выбирать, где хочешь быть. А можем просто видеться через три дня, как пожелаешь.

Это предложение, такое рациональное, казалось Кэтрин чудесной уступкой, но никак не могло устроить ребенка.

– Ты серьезно? – с ужасом спросила Иззи. – Я что, должна болтаться между вами, словно мячик, чтобы вы отфутболивали меня туда-сюда? И что за жизнь у меня будет? Каждый три дня собирать чемодан? Да я лучше вообще одна буду жить и ни на что не надеяться. А то, что ты предлагаешь, – безумие!

Кэтрин казалась озадаченной. Джефф, разделяя точку зрения дочери, молчал, однако жена считалась лишь с тем, что подходило под определение «компромисс».

– Ну, мы можем распределить дни иначе, – произнесла Кэтрин после паузы. – Ты сама выберешь себе график. – У нее был тон, полный терпения, словно она говорила с капризным клиентом.

– Да не хочу я ничего выбирать! Я не хочу постоянно переезжать! – В глазах Изабеллы блеснули слезы. Родители разрушали ее жизнь, пытались поправить собственную. – Вы просто обезумели. А я не желаю жить по вашим правилам. Вы разлюбили друг друга,

вас разделила новая работа – ладно, но почему страдать должна я? Почему именно я должна мучиться?

– Так устроен мир, – холодно ответила Кэтрин, пытаясь не обращать внимания на боль в глазах дочери. Ей очень хотелось, чтобы весь этот разговор скорее закончился. Она не просила развода, она много лет училась жить в ладу с тем, что уготовила ей судьба. Новая работа, которую ей предложили, стала для Джеффа последней каплей. Кэтрин понимала Джеффа, и ей казалось, что Иззи тоже способна понять ситуацию, если возьмет себя в руки.

– Да я не предмет мебели, чтобы меня перевозить из дома в дом, неужели не ясно?

– Ты привыкнешь. В частых переездах есть и свои плюсы. Я нашла уютную квартиру в соседнем районе, возле офиса. Там на крыше есть бассейн, представляешь?

– Не нужен мне бассейн! Мне нужен нормальный дом, где ждут мама и папа. Ты хотя бы на секунду можешь забыть о своих желаниях и подумать обо мне?

И в тот же момент, как Иззи спросила это, Кэтрин машинально покачала головой.

– Мы оба заслуживаем лучшей жизни, – с грустью сказал Джефф. – Но наш брак все равно вот-вот рухнет, милая. Мне жаль, что все так складывается, но иногда лучше оборвать сразу все нити, чем дергать их по одной.

– Через год, когда тебе исполнится четырнадцать, ты сможешь выбирать через суд, с кем хочешь жить постоянно. Но пока тебе тринадцать, выбор за родителями, – добавила Кэтрин. – Родители всегда знают, как лучше.

– Лучше для кого? Разве мое мнение учитывать не полагается?

Но Джефф и Кэтрин смотрели на дочь не мигая, с одинаковым выражением лица, словно внезапно оглохли.

– А знаете что? Я считаю, что равные родительские права – полная фигня! И самое смешное, что и вы так думаете, просто не можете признаться в этом!

Иззи вскочила с места, взлетела по лестнице наверх и хлопнула дверь. Набрав номер Гэбби, она разрыдалась и лишь минут через пять сумела объяснить взволнованной подруге, что произошло.

Гэбби пришла в ужас и предложила Иззи перебраться пожить к ней.

– Я не хочу ни к кому перебираться! Я хочу собственную семью и собственный дом!

Она бросила трубку, а затем последовательно позвонила Шону и Энди. Оба приятеля не знали, чем ее утешить.

Девочка проплакала всю ночь, а за завтраком Джефф предложил ей все-таки самой выбрать график.

– Быть может, тебе больше по душе оставаться на одном месте по неделе или даже по месяцу? Я бы предложил тебе постоянно жить со мной, но это будет нечестно по отношению к тебе и маме. Вы же должны видеться.

– Должны? Кому мы должны? Мама вечно будет в разъездах, да и дома у нее не будет на меня времени. Я уже не маленькая и все понимаю. – Иззи шмыгнула носом и потеряла опухшие глаза. – Может, попробуете примириться? У некоторых же получается.

– Это будет... неудобно для меня и твоей мамы. – Джефф вздохнул. Ему было невыносимо думать о том, через что вынуждена пройти его любимая дочка. Но брак развалился куда раньше, чем они с Кэтрин решились на развод. Уже много лет они были чужими людьми, сохранявшими видимость близости. Последний год оба посещали психолога: и вместе, и по отдельности. Брак умер, чувства высохли, словно прошлогодняя трава, и длить дальше подобный союз казалось безумием. Как можно жить под одной крышей, ложиться в одну постель с женщиной, которая тебя не любит и которую уже не можешь любить сам? Но для Иззи развод был новостью, с которой еще предстояло смириться.

– То есть если неудобно будет мне – это ничего, – горько произнесла Иззи и шлепнула ложкой по хлопьям, расплескав молоко. – Ну что ж, если я провалю экзамены, прошу не

судить меня строго. Постоянно переезжать и ни разу не забыть нужную тетрадь с учебником – невозможно. И как только мне исполнится четырнадцать, я попрошу через суд дать мне возможность вообще жить отдельно от вас, я попрошу отдать меня в приют! И вам просто придется найти другое решение.

– Мы попробуем, – примирительно сказал ее отец, хотя знал, что ничего из подобной затеи не выйдет.

Еще через пару минут входная дверь закрылась: Иззи ушла в школу.

Единственное, что помогло девочке пережить этот день, а также другие дни, последовавшие за ним, не принося облегчения, была настоящая дружба. Она почти все свободное время проводила в доме О'Хара, где над ней ворковала и причитала Конни, а также болтала о всякой ерунде с Гэбби, чтобы немного отвлечься от своих проблем. Джуди искренне сочувствовала бедняжке, а Мишель умела поддержать и ободрить.

План о поочередной опеке над дочерью для Кэтрин так и не стал реальностью. Всякий раз, когда дочь должна была гостить в ее съемной квартире, Кэтрин была в отъезде, поэтому затея с переездами провалилась. Иззи жила с отцом и видела мать не чаще одного дня в неделю, только в выходные. Кэтрин выводила ее ужинать в город и разрешала приглашать в гости Гэбби, чтобы девочки могли вместе поплавать в бассейне. Иногда Иззи не видела мать по целому месяцу или еще реже, но даже столь редкие встречи едва ли были особо теплыми. Ее преследовала мысль, что она видит лишь оболочку настоящей матери, тогда как сама она находится где-то еще, проживая куда более полную и подходящую ей жизнь. Девочка довольствовалась любовью отца и друзей, а также расположением Конни О'Хара, которая была для нее как тетушка. Конечно, это нельзя было называть полной семьей, но со временем Иззи поняла, что и это не так уж мало.

Постепенно ее жизнь вошла в русло и стала казаться не столь уж и тоскливой.

Глава 4

Первым значимым событием в подростковой жизни неразлучной «Пятерки» стало то, что Билли и Гэбби «сделали это» за неделю до Дня благодарения. Гэбби сказала об этом по секрету сначала Иззи, а затем маме, сразу оговорившись, что Билли использовал презерватив.

– Да ничего особенного, – разочарованно призналась она подруге. – Я ожидала большего.

Для Билли все закончилось очень быстро, и он ужасно переживал из-за этого. К тому же Гэбби было больно, и она до крови прикусила себе губу. Они с Билли оба были девственниками, поэтому, наверное, их неопытный секс и не мог быть таким ярким и незабываемым, как они оба надеялись. Они встречались уже два года, почти не ссорились и обращались друг с другом с нежностью и заботой. Первый секс сделал их еще ближе, хотя и не был похож на сказку.

Мама Гэбби гордилась тем, что дочь сразу рассказала ей о столь важном событии своей жизни. А уж ответственность юной пары в плане предохранения заставила ее и вовсе прослезиться.

К концу недели о случившемся знала уже вся «Большая пятерка», как их по-прежнему звала Конни. Не то чтобы Билли что-то рассказывал ребятам, но то, как покровительственно он стал обнимать Гэбби за плечи, взгляды, которыми они обменивались украдкой, давали понять – «что-то было». Иззи продолжала считать, что пара слишком рано вступила во взрослую жизнь, но у Гэбби и Билли было собственное мнение. Они были влюблены, а свои чувства считали надежными и проверенными временем. Билли не имел ничего против презервативов, но Гэбби сообщила матери, что хочет попробовать противозачаточные таблетки. Они еще дважды занимались сексом у Билли, когда его родителей и Брайана не было дома. Они выбирали для этого обеденный перерыв, чтобы им никто не помешал. Последний раз вышел куда более удачным, чем два первых. Так Гэбби и Билли окончательно убедились в том, что секс в отношениях – штука совсем нелишняя.

Накануне Дня благодарения Джуди записала Гэбби к доктору, и тот прописал ей противозачаточные таблетки. Пожалуй, именно это событие как-то отодвинуло Гэбби от остальных друзей, словно она перешла в иную лигу.

Остальные продолжали жить какой-то детской жизнью, ни с кем не встречаясь и даже не предпринимая попыток завести отношения. Энди все время отдавал учебе, а Шон был слишком застенчивым, поэтому девчонки даже не смотрели на него. Что касается Иззи... она так тяжело переживала развод родителей, что отношения казались ей лишним грузом, нести который она не хотела. Она почти не видела мать, хотя та часто звонила ей из других городов. Иногда ей даже удавалось провести с Кэтрин целый уик-энд, но это случалось столь редко, что относилось к разряду исключений. Иззи скучала по маме. Кэтрин и раньше не слишком баловала ее вниманием, но тогда она хотя бы бывала дома, создавая иллюзию полноценной семьи. Конечно, Джефф снова пытался заполнить брешь в жизни дочери, но порой тоска Иззи по матери становилась невыносимой.

Джефф все еще не нашел никого, с кем мог бы завязать серьезные отношения, хотя уже целый год встречался с одной женщиной. Поначалу он иногда приглашал своих подруг домой, но в такие вечера ему приходилось мириться с едкими, но весьма меткими комментариями дочери. Не то чтобы Джефф стремился связать себя новым браком, но мысль о том, чтобы найти близкого по духу человека и делить с ним дом, когда Иззи уедет в колледж, казалась ему довольно привлекательной. Жизнь бобылем, к тому же без дочери, представлялась ему невыносимой. Джефф понимал, что рано или поздно юная пташка вылетит из

гнезда, и не тешил себя иллюзиями. Девочке надо повидать мир, пожить в городе побольше Сан-Франциско, и с этим ничего не поделать. Вся жизнь Джеффа строилась вокруг дочери, и в ее нечастые отлучки к матери дом казался ему одиноким и заброшенным.

Да, Джефф уже год встречался с коллегой по работе и в общем-то чувствовал себя рядом с ней комфортно. Однажды его угораздило привести свою подругу домой на ужин, и Иззи немедленно ее возненавидела. Джеффу было тридцать три, а его коллега была моложе. На следующий день даже этот незначительный факт дал Изабелле повод придрататься к подруге отца.

– Она слишком молода для тебя.

Джефф выглядел озадаченным. Ему тоже казалось, что его избранница недостаточно взрослая, но связывал он это не с возрастом. Впрочем, его редко привлекали ровесницы.

– Но я ведь не собираюсь жениться на ней, мы просто встречаемся, – пробормотал Джефф.

– Только не заходи с ней слишком далеко, а то еще решит тебя окрутить. К тому же она какая-то глупая, – заявила Иззи. – Да, она гораздо глупее тебя.

– С чего ты так решила?

– Она задавала дурацкие вопросы. Переспрашивала по тысяче раз, уточняла всякую ерунду, словно вообще ничего не понимает. А ведь должна бы понимать, она же юрист. Либо она прикидывается глупой, либо она и в самом деле глупая. В любом случае ты заслуживаешь большего, – заметила Иззи, протирая вымытые после завтрака тарелки. Теперь хозяйкой в доме была она, что вполне устраивало и ее саму, и отца.

– Ну, таких умных, как твоя мать, больше не сыскать, – хмыкнул Джефф. – Не уверен, что я дотягивал до ее уровня. Она действительно умная женщина. – Мысленно он добавил также «холодная», но произносить этого не стал. – И знаешь, мне немного некомфортно жить рядом с гением. Мне нужна обычная женщина. Приятная, милая...

Иззи, обернувшись, бросила на него пристальный взгляд.

– Нет, папа. Тебе нужна умная. С глупой тебе быстро станет скучно.

Мать Иззи тоже нашла себе пару – одного из топ-менеджеров компании, на которую работала. Он недавно разошелся с женой. Иззи не видела его, а только слышала о его существовании от матери. После развода родителей прошло два года, и с тех пор она стала больше понимать в отношениях взрослых.

На День благодарения у Иззи с отцом не было особых планов, поэтому они приняли приглашение в гости от одной из его коллег – милой разведенной женщины с двумя детьми, почти ровесниками Иззи. Также было приглашено еще около десяти человек, так что вечеринка предполагалась шумной. Кэтрин все равно уехала в Нью-Йорк по делам с намерением провести праздники там же, у каких-то друзей.

О'Хара собирались встретить День благодарения с родственниками и друзьями. Им было за что благодарить уходящий год. Кевин успешно прошел реабилитацию в наркологическом учреждении. Он довольно сильно изменился, словно вновь стал тем милым парнишкой, который всем так нравился. Ему исполнилось двадцать два, и теперь он учился в городском колледже, получал только хорошие отметки и должен был защитить диплом в конце курса. Такие изменения пролились бальзамом на израненные сердца его родных. Кевин даже принес извинения семье на одном из занятий психологической помощи в Аризоне, особенно выделив то, что он был плохим примером младшему брату. Как же разительно отличалось его поведение по возвращении домой от того подросткового бунта, с которым он отправлялся в клинику!

Энди с отцом и матерью уехали к родителям его мамы в Южную Каролину. Джуди и Адам отправились в отель «Фермонт» с малышкой Мишель, а Гэбби предпочла остаться на День благодарения у Нортон.

Мэрилин планировала скромный семейный ужин с Ларри, двумя сыновьями и Габриэлой. Мэрилин всегда готовила индейку сама, а Гэбби вызвалась ей помочь и пришла в дом своих друзей пораньше. Ей хотелось посмотреть, как готовят такую большую птицу, как индюшка. Мэрилин уже сервировала стол. Вместе они расстелили льняную скатерть, выставили лучший фарфор и хрустальные фужеры. Когда индейка поспела, аромат из духовки пропитал уже весь дом. За стол собирались сесть в шесть, так что Ларри ушел к приятелю смотреть футбол, пообещав не опаздывать. Но к шести его все еще не было, а звонки на мобильный оставались без ответа. Мэрилин с детьми ждали Ларри до семи. Индейка успела подсохнуть, и хозяйка дома с каждой минутой все больше мрачнела.

В семь тридцать, спустя полтора часа ожидания, они все же сели за стол. Бисквиты слегка подгорели, а индейку приходилось грызть зубами. Отсутствие Ларри старались не обсуждать, а в улыбке Мэрилин сквозила печаль. Однако яблочный пирог и домашнее мороженое были встречены с энтузиазмом, а после ужина все дружно убрали со стола остатки пиршества.

К десяти тридцати гостиная и кухня сверкали чистотой, и Мэрилин пошла наверх. Гэбби сделала вид, что не замечает слез в ее глазах.

Именно этот момент Ларри выбрал для своего возвращения. Он вел себя так, словно ничего не случилось. Дети мгновенно испарились, юркнув в подвальную игровую комнату, где можно было громко включить какой-нибудь фильм. А после просмотра Билли должен был отвезти Гэбби домой.

Мэрилин стояла на лестнице и смотрела сверху вниз. Судя по состоянию Ларри, он пил весь вечер. Глаза Мэрилин сверкали, хотя голос казался спокойным.

– Где ты был?

– Ужинал с другом, – бросил Ларри столь обыденным тоном, словно на дворе был любой другой день, а не День благодарения.

– Мы собирались ужинать вместе. Ты пропустил семейный ужин.

Их взгляды наконец встретились.

– Прости, но у меня появились другие планы, – буркнул Ларри, неловко поднимаясь по ступеням мимо жены и оттесняя ее плечом.

От него резко пахло алкоголем и чужими духами. Мэрилин успела заметить помаду на его шее, и этот факт, такой банальный и оттого еще более противный, стал для нее больше пощечины.

– Ты отвратителен, – выдохнула она.

Ларри резко повернулся и схватил ее за предплечье, дернув на себя.

– Да плевать я хотел на твое мнение! – Он оттолкнул жену от себя, и она упала бы вниз с лестницы, если бы не успела схватиться за перила.

– Неужели это надо было делать именно сегодня? Именно в семейный вечер, когда тебя ждали дети? – Мэрилин семенила за пьяным мужем в спальню.

Ларри задержался на пороге, словно потерял ориентир, затем схватился за дверной косяк. Похоже, он был еще более пьян, чем Мэрилин показалось сначала. Поколебавшись, он подошел к кровати и неловко сел.

Мэрилин смотрела на мужа в ужасе. Он провел весь вечер с другой женщиной, а теперь как ни в чем не бывало сидел на семейной постели!

– Я делаю то, что хочу, – заявил Ларри. – К черту День благодарения и семейную жратву! И к черту тебя! – Последнюю фразу он произнес с каким-то особенным чувством, чуть ли не с наслаждением.

Мэрилин прикрыла глаза, радуясь, что мальчишки не слышали его слов. Когда она вновь посмотрела на Ларри, он деловито стягивал носок. Почему она оставалась с ним так долго? Почему терпела его равнодушие, раздражительность, его пьяные выходки? Она давно подо-

зревала Ларри в изменах, но получить столь явное, столь гадкое подтверждение своих подозрений было особенно больно. Прежде Мэрилин говорила себе, что мирится с поведением Ларри только ради детей, но теперь уже не была в этом уверена. Возможно, это был страх одиночества. Она боялась потерять человека, которого любила много лет, но не могла спасти своей любовью. В Ларри не было ничего, заслуживающего этой любви и этой жертвы. Ларри давно ее не любил.

– Возвращайся туда, откуда пришел. Я не хочу, чтобы дети тебя видели в таком состоянии, – спокойно произнесла она.

– Что? Ты о чем толкуешь? – У Ларри был отсутствующий взгляд. С носками он справился и как раз собирался завалиться спать. Кажется, комната шла для него кругом, потому что он часто дышал, стараясь подавить тошноту.

– Уходи. Немедленно.

Ларри даже не шелохнулся.

– Если ты не уйдешь, я вызову полицию.

– Ну-ну, вперед! – Он даже приподнял голову, чтобы усмехнуться. – Полицию она вызовет, как же! Да ты ни черта не можешь! – едко бросил он. – Просто заткнись и дай поспать.

Мэрилин взяла трубку и набрала 911. Она не собиралась вызывать копов, но ей хотелось припугнуть мужа и заставить убраться из дома.

Ларри вскочил с кровати и бросился к ней. Вырвав трубку из рук, он швырнул ее об стену, а затем изо всех сил двинул кулаком Мэрилин по лицу. Ее голова дернулась, по рассеченной скуле потекла кровь. Однако вместо страха в глазах мелькнула ненависть.

– Убирайся, Ларри! Сейчас же!

Что-то в ее тоне остановило его от второго удара. Неловко подняв куртку, валявшуюся на полу, он вышел из спальни и через несколько секунд хлопнул входной дверью.

Мэрилин трясло. Дрожащей рукой она прикрыла дверь комнаты, чтобы дети не могли заглянуть внутрь, когда пойдут спать. Сев на кровать, она разрыдалась. Все было кончено. Она слишком поздно поняла, в каком тупике буксовала ее жизнь. Следовало порвать с Ларри намного раньше.

Она позвонила ему утром, прежде чем он мог заявиться домой, и велела не возвращаться.

– На следующей неделе можешь забрать вещи, а сегодня я меняю замки. И подаю на развод. – В ее голосе не было и тени сомнения.

– Это ты меня довела вчера. Ты виновата в том, что я сорвался! – бросился в обвинения Ларри.

Он всегда так делал. Что бы он ни натворил – напился, флиртовал с другими, распускал руки, орал, – всегда виновата была Мэрилин. Ах, сколько лет она мирилась с этой ролью! Ларри изменял ей, возможно, годами, он бил ее и унижал при собственных детях, а она молчала.

– Все кончено. Я заполняю бумаги.

– Не сходи с ума! – Он все еще злился, но в тоне уже проступало недоумение. – Я приеду через пару часиков, и мы...

– Если ты сунешься в дом, я вызову полицию. И я думаю, увидев мои разбитые губы, они найдут основание для ареста. – Мэрилин повесила трубку.

Дети уже проснулись в своих комнатах, и она спустилась приготовить им завтрак. Не откладывая дела в долгий ящик, она вызвала рабочих поменять замки, заказав запасные ключи для ребят. Всего через час, когда Билли и Брайан спустились поесть, она протянула им ключи.

– Ни в коем случае не давайте их отцу при встрече, – предупредила Мэрилин. – Мы с ним разводимся.

Ее так волновала их реакция, но оказалось, ее слова совершенно их не удивили. Билли печально кивнул, а Брайан и вовсе выглядел обрадованным. Как будто Мэрилин разрубила некий гордиев узел, о котором сама не подозревала.

– Это потому, что он пропустил ужин? – спросил Билли. – Может, он был у важного клиента? – Билли всегда пытался оправдать отца.

– Поскольку наш развод касается всех нас, я буду с вами честна. Ваш отец пьет. У него есть другая женщина. А то, как он обращается со мной и Брайаном, вообще недопустимо для мужа и отца. – Мэрилин смотрела на Билли. – Возможно, он способен бросить пить. Но с меня хватит. – Позади осталось слишком много лет неуважения и обид, чтобы о них стоило сожалеть. Вчерашний удар в лицо – прежде Ларри никогда не позволял себе бить ее с такой силой – словно что-то изменил в сознании Мэрилин. – Я не хочу, чтобы он сюда возвращался. Вы можете встречаться с ним, когда он обзаведется жильем.

– А мне обязательно с ним видеться? – негромко спросил Брайан, и мать покачала головой.

– Но разве можно вот так запросто вышвырнуть его вон, мам? – Билли едва не плакал. – Это же и его дом тоже. Ему некуда пойти.

– Он может позволить себе съемную квартиру или отель. И поверь, у меня есть основания не пускать его в наш дом. – С этими словами Мэрилин повернулась лицом к свету, и Билли увидел глубокую запекшуюся ссадину на губе. На этот раз его отец зашел слишком далеко.

Билли молча встал и ушел к себе. Он не стал звонить Гэбби. Вместо этого он набрал номер Изабеллы, которая сразу поняла, что произошло нечто ужасное, такой мрачный у друга был голос.

– Что случилось?

В ответ Билли разрыдался.

– Успокойся, пожалуйста, – сказала Иззи в трубку.

– Вчера вечером отец ударил маму. Он и раньше распускал руки, но в этот раз не пришел на семейный ужин, а потом ударил ее... очень сильно. Они разводятся. Теперь я в таком же положении, как ты, – всхлипнул Билли.

– Мне очень жаль...

В доме Иззи никто никого не бил и не унижал. Ее родители просто разлюбили друг друга. Все произошло очень цивилизованно и прилично, без смены замков и разбитых лиц. Отец Билли никому не нравился. Он был грубым, раздражительным, резким, вел себя плохо не только с посторонними людьми, он ужасно обращался с близкими. Даже Билли, который сейчас так плакал, жалея отца, почти не видел его любви.

– Что теперь будет? – со страхом спросил Билли. Он оставался за старшего и должен был принять на себя ответственность, которая прежде лежала на отце.

– Теперь? Теперь станет легче, – пообещала Иззи. – Твоя мама вздохнет свободно, а значит, она станет счастливее. Да и Брайан обретет веру в свои силы. – Иззи видела, как год за годом мистер Нортон подавляет и унижает младшего сына. – А ты справишься, поверь мне. Я тоже плакала, когда мои родители развелись. А потом стало легче. Мы боимся неизвестности, но будущее не всегда должно пугать. Я не желала отпускать от себя маму, и только потом мне стало ясно, что ее никогда и не было рядом. Зато теперь в те редкие дни, что мы видимся, она действительно со мной. Ты не хочешь отпускать отца... но ты уверен, что это тот отец, о котором стоит мечтать? Его никогда нет дома, а возвращается он пьяным, и ему плевать на вас.

Всхлипывания Билли стали тише.

– Без него будет так... непривычно. – Он вздохнул.

Иzzi была права. Мама была несчастна, да и младший братишка страдал от присутствия отца и больше любил те вечера, когда Ларри проводил время с клиентами.

– Да, поначалу будет непривычно, – согласилась Иззи, не видя смысла лгать, утешая друга. – Иногда даже больно. Но потом действительно станет легче. Возможно, гораздо легче, чем было прежде.

Билли долго молчал, а затем они пустились в обсуждение бытовых деталей – о встречах детей и родителей, о съемных домах и тому подобном. Наверное, это означало, что Билли принял факт развода. По крайней мере старался принять. Иззи поддерживала и успокаивала друга. Как в тот первый школьный день, когда она кормила четверых детей игрушечными гамбургерами и пончиками, создавая комфорт и уют в непривычной обстановке.

К тому моменту как Билли повесил трубку, на душе у него немного посветлело. Ему повезло с друзьями, думал он. Разве можно пройти через лишения и трудности, если у тебя нет настоящих друзей?

Спустившись через час в гостиную, он заметил, что его мама уже выглядит немножко другой – менее ссутулившейся, спокойной. Он улыбнулся ей, и она широко улыбнулась в ответ. Иззи оказалась права. Как, впрочем, и всегда.

Вечером Билли отправился к Гэбби и рассказал ей новости. Она совершенно не удивилась случившемуся. Они проговорили почти до рассвета, и все это время Гэбби держала Билли за руку.

Глава 5

Через год, как раз к концу средней школы, жизнь Нортонсов совершенно наладилась. Билли, которому исполнилось шестнадцать, приглядывал за младшим братом и во всем ему помогал. Одиннадцатилетний Брайан хвостиком бегал за Билли на занятия по футболу, следил за каждой тренировкой и не пропускал ни одной игры. Ему нравилось наблюдать за игрой брата в защите.

Гэбби тоже ходила на все игры. Они с Билли по-прежнему были самой крепкой и неразлучной парочкой в школе. Даже учителя, не одобрявшие поначалу их ранний роман, постепенно прониклись теплом к юным влюбленным. Гэбби помогла Билли пережить развод родителей и во всем его поддерживала. Иззи и ребята тоже помогали советами и выручали в трудные моменты. Единственное, чего не смогла дать своему другу Иззи, – это совет, как мириться с новыми романами разведенной матери. Ей самой не приходилось сталкиваться с маминым ухажером. А Мэрилин начала ходить на свидания сразу после развода, и это очень расстраивало Билли. Отец тоже встречался то с одной, то с другой женщиной, и все они были немногим старше Билли. Ларри не делал секрета из того, что его влечет к юным горячим цыпочкам. Пожалуй, он даже гордился этим и рассказывал о своих победах каждому, кто готов был слушать, даже родному сыну. Пить Ларри так и не бросил. Наоборот, теперь он пил чаще и больше, порой совершенно себя не контролируя, и Билли переживал за отца.

Мэрилин почти сразу нашла работу риелтора. Она продавала коммерческую недвижимость. Пройти собеседование в крупной компании оказалось для нее не так уж трудно, а недостающие знания она получила на курсах повышения квалификации. Казалось, у нее был дар продавать даже самую безнадежную площадь, и удачи вдохновляли ее на новые сделки. В бракоразводном процессе, длившемся полгода, Мэрилин отсудила дом, а сразу за этим познакомилась с Джеком Эллисоном, приятным разведенным мужчиной лет сорока, у которого было двое сыновей. Ему в городе принадлежал хороший ресторан, приносящий стабильный доход. Во время ленча в заведении редко пустовали места. Конечно, он не входил в разряд фешенебельных ресторанов с дорогими блюдами, но это был надежный бизнес, и за год до встречи с Мэрилин Джек Эллисон открыл в Напа-Вэлли второй ресторан, который как раз раскручивал.

Джек легко ладил с детьми Мэрилин, и это заставляло ее сердце сжиматься от благодарности и нежности. Брайан, не привыкший к вниманию взрослого мужчины, был от Джека в восторге, и даже Билли однажды сдержанно заметил, что мама встретила неплохого человека. С Джеком Билли общался с легкой неприязнью, пытаясь сохранить лояльность по отношению к отцу, но на самом деле мамин друг ему нравился. Впрочем, дома Билли проводил мало времени, предпочитая общество Гэбби. Ларри редко находил для старшего сына время, оправдываясь чрезмерной занятостью, а с Брайаном и вовсе не виделся.

Зато Джек никогда не пытался избавиться от чужих детей. Он ездил по делам на ранчо в Напа-Вэлли вместе с Мэрилин и мальчишками, катал их на яхте, чем приводил в восторг Брайана. Мальчик считал Джека героем и тянулся к нему, как никогда не тянулся к родному отцу. Мэрилин впервые чувствовала себя счастливой. Она призналась Конни, что в ее жизни произошло настоящее чудо. Единственным, кто продолжал сопротивляться «чужаку», был Билли, но Мэрилин верила, что со временем все образуется. Искреннее участие Джека должно было растопить лед.

Кроме разлуки с отцом и появления в доме чужого человека, у Билли была еще одна проблема. Его отметки, спровоцированные семейными перипетиями, становились все хуже. Тренер с сожалением сообщил ему, что при таком раскладе Билли едва ли станет игроком сборной, даже если будет играть как легионер. Попасть в национальную сборную юнио-

ров было мечтой Билли, и он понятия не имел, что будет делать, если не сдаст экзамены. С самого начала года в школу стали приезжать представители разных команд – из Флориды, Алабамы, Теннесси и прочих штатов, – которые отмечали успехи Билли на поле и были готовы немедленно принять его в команду. Ларри разместил видео с игрой сына в Интернете, и ролик получил множество просмотров и одобрительных комментариев с приглашениями пройти отборочные смотры, но плохие отметки могли поставить крест на футбольном будущем Билли.

Мэрилин наняла для сына репетитора, но его мудреные объяснения еще больше запутали Билли.

– Отец убьет меня, если я не смогу играть в колледже в футбол, – признался как-то раз Билли своей верной подруге Иззи. – А я безнадежно отстаю по всем предметам.

Гэбби пыталась помочь любимому, но у нее тоже не слишком ладилось с науками. Она всегда была середнячком и про колледж даже не помышляла. После школы она рассчитывала перебраться в Лос-Анджелес и стать актрисой. Она мечтала о сцене с детских лет, и теперь до заветной двери в будущее было рукой подать.

– А ты действительно так хочешь играть в футбол в колледже? – уточнила Иззи. Билли изумленно посмотрел на нее. – Ну, может, ты хочешь играть лишь затем, чтобы заслужить одобрение отца?

Мать хотела, чтобы Изабелла стала юристом, но это была последняя профессия, которую выбрала бы сама дочь. Она, конечно, уважала работу отца и восхищалась ею, но стать юристом... На самом деле Иззи понятия не имела, куда двигаться дальше. Ей одинаково нравилось представлять себя преподавателем или психологом, а иногда она думала, что могла бы стать медсестрой или поступить в Корпус мира. Ее интересовали люди, но не как социальные животные, зажатые в рамках законов, а как личности, удивительные создания, которых хочется опекать и защищать. На что направить свои стремления, Иззи не знала. Пожалуй, профессия школьного учителя была ей более других по душе, но Кэтрин была бы страшно разочарована, выбери ее дочь столь простенькую и скучную, на ее взгляд, работу. Кэтрин желала видеть Иззи в составе Лиги плюща, для которой ее отметок вполне хватило бы, но Иззи сопротивлялась, как могла. Она хотела остаться в Калифорнии, и отец поддержал это решение, сказав, что каждый сам выбирает свой путь. Вместо любого Гарварда Изабелла предпочла бы остаться дома с любимым папой.

– Ты чего? Конечно, я хочу играть в футбол, – кивнул Билли. – Я же с детства играю. Да я не представляю своей жизни без футбола! И меня приглашают в сборные, понимаешь? Это значит, у меня хорошие перспективы. – Так говорил и Ларри, а Билли не желал разочаровывать отца.

– Что ж... – Лицо подруги стало задумчивым. – Значит, тебе нужна помощь. – Она отлично училась, великолепно знала английский и историю. Энди тяготел к точным наукам и постоянно выигрывал на школьных математических конкурсах. Вместе они могли бы стать репетиторами для Билли. – Но придется много работать и учить. Ты готов трудиться не покладая рук?

Билли с энтузиазмом закивал и принялся уверять, что сделает все, что от него зависит, и даже больше.

Друзья составили для Билли учебную программу. Они мучили его правилами и задачами каждый обед в библиотеке. Иззи также работала с Билли после школы. Вместе с Энди она подтягивала его до самого окончания года, готовила к тестам и контрольным, и в итоге Билли получил по всем предметам твердую четверку, а по математике даже шальную пятерку благодаря усилиям Энди, сумевшего доступным языком превратить точную науку в увлекательное путешествие в мир цифр и правил. Результаты превзошли все ожидания начинающих репетиторов, и, вдохновленный их успехом, к Иззи и Энди присоединился

Шон, чтобы помочь Билли с испанским. Билли не мог поверить успеху их предприятия, но друзья утверждали, что все дело в его настойчивости и упрямом движении к цели. Мэрилин, потерпевшая фиаско с профессиональным репетитором, была вне себя от счастья и гордости за сына. Мечта Билли вот-вот должна была осуществиться, равно как и мечта его матери, получившей предложение руки и сердца от Джека Эллисона.

Свадьбу назначили на август. Местом торжества выбрали ранчо Джека в Напа-Вэлли. Сыновья были первыми, кто узнал о предстоящем событии, как и хотела Мэрилин. Брайан пришел в неописуемый восторг, ведь Джек нравился ему больше, чем собственный отец. Зато Билли два дня подряд пил. Он сказал матери, что у него расстройство кишечника, но Иззи и Гэбби знали истинную причину его «недомогания». Да, Билли шокировала новость матери. Даже больше того: он был раздавлен. Именно тогда он впервые окончательно и бесповоротно осознал, что его родители больше никогда не будут вместе, что его отец не сможет вымолить прощение, а мама никогда не выслушает его оправданий. Ларри был не нужен Мэрилин, потому что теперь у нее был Джек.

Тем летом кончилось детство Билли. Он был настолько выбит из колеи этой свадьбой, что потихоньку стал пить и покуривать травку. Он неплохо прятал следы и умело маскировал свое состояние, поэтому никто не догадывался, что происходит. Однако на свадьбе он так напился, что почти отключился, и Шону с Энди пришлось тащить его до комнаты. Мэрилин была на седьмом небе от восторга и не заметила, что сына нет рядом, когда разрежала свадебный торт. Вечеринка закончилась лишь в четыре утра, и она призналась Конни, что впервые в жизни так счастлива.

– А где Билли? – спросила Конни у Шона чуть позже, заметив, что он тихо шепчется с Иззи за круглым столиком с закусками. Еду для свадьбы готовили повара из ресторана Джека, и все блюда были восхитительны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.